



Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the IV international scientific conference
on March 1–2, 2017

Prague
2017

National cultures in social space and time : materials of the IV international scientific conference on March 1–2, 2017. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2017. – 80 p. – ISBN 978-80-7526-083-3

ORGANISING COMMITTEE:

Khikmet A. Alizade, doctor of pedagogical sciences, professor, dean of social sciences and psychology department of Baku State University.

Kyzylgyul Ya. Abbasova, candidate of philosophical sciences, assistant professor of sociology department of Baku State University.

Azad A. Rzayev, doctor of historical sciences, professor, dean of historical department of Baku State University.

Zabil G. Bayramly, associate professor of Azerbaijan history department of Baku State University.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines national cultures in social space and time. Some articles deal with general theoretical interpretation of the essence of culture. A number of articles are covered interaction and interference of civilization and culture. Some articles are devoted to the role of language and religion in formation of national culture. Authors are also interested in folk art as a source of development of the national culture.

UDC 37

ISBN 978-80-7526-083-3

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2017.

© Group of authors, 2017.

CONTENTS



I. GENERAL THEORETICAL INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF CULTURE

Казарова Т. В.

Парадигмы культуры и их философско-теоретические основания 6

II. ESSENCE OF NATIONAL CULTURE

Рюмин С. Г.

Проблема национальной культуры в философии Ивана Ильина 14

III. INTERACTION AND INTERFERENCE OF CIVILIZATION AND CULTURE

Osipova I. S.

Ethnic differences of psychological state expression
in the communication 16

Минина Н. Е., Курдеко Ж. П., Струнченко А. А.

Клуб интернациональной дружбы как форма внеаудиторной работы
по русскому языку как иностранному 18

Халупо О. И.

Некоторые особенности анализа и отбора лингвокультурного
материала для процесса межкультурного взаимодействия 21

IV. FEATURES OF THE GLOBALIZATION OF CULTURAL PROCESSES

Хангельдиева И. Г.

Национальное лицо ключевого потребителя китайского арт-рынка 24

V. ROLE OF LANGUAGE AND RELIGION IN FORMATION OF NATIONAL CULTURE

Галбацев С. М.

Роль религиозной и межнациональной конкуренции
в Республике Дагестан в контексте концепции устойчивого развития29

Казакевич О. М.

Роль языка в процессе формирования украинской современной нации
(вторая половина XIX – начало XX века)31

Федорова Т. В., Степанов А. В.

Отражение проблем религиозной и этнической идентичности
в рамках культурно-антропологического подхода XIX века34

VI. GEOGRAPHIC, SOCIAL, HISTORICAL, SPIRITUAL AND CULTURAL CONDITIONS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF ETHNIC CULTURE

Булгакова С. А.

Необходимость формирования толерантного поведения иностранных
студентов, обучающихся на территории Российской Федерации38

Мутиева О. С.

Женский труд в шерстеобрабатывающем производстве
в пореформенный период (на примере Дагестана)42

VII. ROLE OF CULTURE IN FORMATION OF ETHNIC IDENTITY

Воробьева М. М.

Педагогические условия социализации современного подростка
посредством традиционных обрядов жизненного цикла
в рамках клубной деятельности45

Хадикова И. М.

Проблемы формирования позитивной этнической идентичности
современной осетинской молодежи49

VIII. FOLK ART AS A SOURCE OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL CULTURE

Воробьева О. Б.

Русское ремесленное искусство в эпоху средневековья..... 54

Зеленкова И. В., Зеленкова Т. В.

Художественное оформление русских азбук: история и современность.... 56

Карпенко С. Д.

Систематизация принципов классификации украинских
народных сказок 62

Скляренко А. В., Аксёнов В. С.

Использование традиционных игр народов севера в физическом
воспитании младших школьников 69

IX. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE

Немова О. А., Елисеева А. К.

Спортивные приметы, обычаи и их влияние на спортсменов..... 72

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2017 году..... 75

Информация о научных журналах 77

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 78

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 79



I. GENERAL THEORETICAL INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF CULTURE



ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Т. В. Казарова

*Доктор философских наук, профессор,
Орловский государственный
университет,
г. Орел, Россия*

Summary. Paradigm of culture is a theoretical model of understanding the essence of culture, which contains various definitions of this phenomenon. The article describes classical and postclassical paradigms of culture. Their base is a philosophical conception of human, creativity and history.

Keywords: paradigm of culture; theoretical model; philosophical conceptions of human; creativity and history.

Определений культуры, как отмечал еще в 2003 г. А. Кармин, насчитывается около полутысячи [2; с. 6]. Основная попытка как-то их упорядочить состоит в выделении либо научных дефиниций (психологические, семиотические, исторические, социологические), либо философских подходов к трактовке культуры (нормативные, ценностные, антропологические, герменевтические). Но даже в рамках одной науки определения культуры могут противоречить друг другу. Например, одни лингвисты относят к культуре ненормативную лексику, другие считают ее явлением антикультуры. Каждое определение культуры отражает только фрагмент сущности данного феномена, однако она не схватывается в целом, полностью. Выделение двух парадигмальных подходов к определению сущности культуры, на мой взгляд, является более продуктивным методологическим средством для классификации дефиниций данного феномена. Парадигмы культуры – это понятийные модели, имеющие разные по содержанию философско-теоретические основания, в качестве которых выступают представления о человеке, творчестве и историческом процессе.

1. Классическая парадигма культуры.

Как известно, понятие «культура» (от латинского *cultura* – возделывание, уход, земледелие) входит в философию в эпоху Просвещения. Философия этой эпохи трактует человека как венец природной эволюции, как высшее по сравнению с животным миром существо, обладающее особыми, духовными, способностями и характеризующееся определенной совокупностью атрибутов, составляющих его неизменную, истинную сущность. К

ним относили речь, мышление, эстетические и нравственные способности (способность человека различать красоту и безобразие, добро и зло и руководствоваться в своей деятельности и поведении эстетическими и моральными ценностями), способность к познанию, к предметно-преобразовательной деятельности (труду) и к творчеству. Напомним, что философия вплоть до последней трети XIX века безальтернативно трактовала человека как существо исключительно духовное, в смысле сверхприродное. Это означает, что человек, будучи телесным, органическим существом со всем комплексом естественных физиологических потребностей, способен благодаря разуму (духу) управлять собой как природным организмом, ограничивать и контролировать естественные потребности, быть относительно независимым от них, быть «выше себя» как физического тела. Если животные движимы своими естественными потребностями и в этом смысле несвободны, зависимы от них, то деятельность человека направляют им самим поставленные, осознанные цели. Разум, сознание, т. е. «дух» составляет истинную природу человека. Поэтому человек – свободное существо, он может самостоятельно, подчас вопреки тому, что диктует его собственная физическая, телесно-чувственная природа, определять цели своей деятельности, выбирать средства их достижения, нести ответственность за последствия поставленных целей и выбранных средств, а значит познавать себя и самосовершенствоваться. Философия Нового времени создавала идеальный, постулируя его как истинный, образ человека, в достижении которого состоит ориентир индивидуального бытия и смысл исторического процесса.

Вторая философско-теоретическая предпосылка заключается в представлении о творчестве. Влияние на философию христианской культуры, в которой творчество есть свойство Бога-Троицы, создавшего мир из любви и для любви, а человека – по образу и подобию, отчетливо проявилось в представлении о творчестве. Западноевропейские и русские философы XVIII–XX вв. видели в творческой активности человека исключительно стремление к созидательной деятельности во имя истины, добра и красоты на благо и пользу человечеству. Русские философы, например, Бердяев Н. А., Соловьев В. С., Флоренский П. А. и другие рассматривали творчество как проявление богоподобности человека, как стремление человека приблизиться к богу. Творческая деятельность рассматривалась как безусловно конструктивная, отвечающая культурным ценностям (представлениям о благе, добре, красоте, истине), в результате которой создается нечто новое, ранее не существовавшее и улучшающее условия жизни человека и самого человека. В этом представлении есть большая доля истины, т.к. многие произведения искусства, научные открытия, технические изобретения, философские идеи, даже человеческие поступки, которые мы называем подвигами, нравственными деяниями, и др. рождаются из стремления к служению истине, утверждению добра, созданию красоты. Но в

основе творчества могут лежать и иные мотивы, а результаты творческой деятельности не всегда во благо обществу, но об этом заговорит только философия XX века.

История рассматривалась как поступательное прогрессивное движение человечества к некоторому идеальному состоянию общества, в котором будут устранены основные противоречия социальной системы, где у всех людей будут равные возможности для развития истинно человеческой сущности и для свободной самореализации. Таким образом, прогресс считался единственным вектором развития общества и человека, хотя сам процесс развития мог носить противоречивый и сложный характер. Отметим, что теория исторического прогресса подчеркивает развитие не только общественной системы, но и самого человека на протяжении истории. Социальный прогресс способствует более полному раскрытию сущностных свойств человека (мыслительных и познавательных, нравственных, эстетических и творческих) и их дальнейшему развитию. Теория исторического прогресса до сих пор остается одной из актуальных концепций философии истории, поэтому классическая парадигма культуры сохраняется в современном культурно-философском контексте.

На основе представлений о человеке, творческом характере его деятельности и историческом прогрессе формируется классическая парадигма культуры. В массиве всех социальных феноменов и результатов человеческой деятельности выделяются те, которые указывают на разумную (духовную) природу человека и в которых проявляется его истинная сущность. Во-первых, это мораль, искусство, наука и опредмеченный результат научного знания – техника. Поскольку развитие материальной сферы (техники) улучшает условия жизни, облегчает физический труд, освобождает от рутинной работы и тем самым расширяет возможность для интеллектуальной творческой деятельности, постольку техника является частью культуры с точки зрения классической парадигмы. Так, философы эпохи Просвещения (за исключением Ж.-Ж. Руссо), в XIX веке – К. Маркс, позже – представители марксизма и технократической философии (М. Маклюэн, Г. Шельски и др.) связывали с техническим прогрессом социальное развитие и совершенствование человека.

Уже в самом начале формирования классической парадигмы культуры встал вопрос об отношении религии и культуры. Большинство философов XVIII вв. не отрицали бога, но, принимая идею божественного сотворения мира, отрицали провиденциализм, т. е. вмешательство бога в естественно-природные и социальные процессы, учение о конце мира, спасении и другие догмы христианства. Негативным у представителей просветительской философии было отношение к церкви, препятствовавшей в то время развитию наук и светского образования. Определенное влияние на отношение французской философии XVIII в. к религии имели атеистические взгляды материалистов (Ламетри, Гельвеций, Дидро, Гольбах). По-

этому отнесение религии, конкретно, христианства к культуре было спорным. Но под влиянием представителей немецкой классической философии, внесших существенный вклад в становление теории культуры, религия была включена в культуру. Здесь важную роль сыграла этика И. Канта.

Среди философов XVIII в., с именами которых связано формирование классической парадигмы культуры, следует назвать представителя немецкого Просвещения И. Гердера. Как известно, среди признаков, отличающих человечество от природного мира, наиболее существенным Гердер считает речь, язык слов. «Речь пробудила дремлющий разум... Всякий разум, всякое искусство человека начинается с языка, ибо лишь благодаря языку человек царит и над собой и властен раздумывать и выбирать» [1; с. 98]. Язык, с точки зрения И. Гердера, есть связующее звено от одного поколения людей к другому.

Итак, культура осмысливается как опредмеченный духовный и материальный опыт человечества, накопленный на протяжении истории и выступающий фундаментом дальнейшего прогресса. Но здесь важнее другой аспект. Человек рождается как биологический индивид, обладающий только потенциальными способностями к речи, логическому мышлению, сознанию, к труду и творчеству. Индивиду предстоит обрести человеческую сущность, *стать человеком*, поэтому культура – это условие и сфера становления человеческого индивида *Человеком*, в процессе которого развиваются атрибуты, составляющие его истинную сущность, то есть то, каким может и поэтому должен быть человек. В основе понятия «культура» лежит и другое латинское слово – это *cultus* (почитание). Быть человеком культуры значит почитать истину, добро, красоту, ориентироваться на эти ценности и утверждать их своей деятельностью и поведением. Согласно классической парадигме культура есть система форм, хранящих и воспроизводящих свойства и способности человека как существа разумного, духовного. Наиболее отчетливо эта парадигма культуры представлена в гегелевской «Философии духа».

Классическая парадигма культуры, начавшая складываться в философии Просвещения, развивалась в последующие столетия в западноевропейской, русской и советской (марксистской) философии. Определения культуры, относящиеся к классической парадигме, можно встретить у Ф. Шиллера, В. Гумбольдта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Г. Зиммеля, В. Дильтея, неокантианцев (Г. Когена, Э. Кассирера, В. Вильденбандта, Г. Риккерта). В русской и советской философии также преобладают понятия культуры, относящиеся к классической парадигме. Здесь необходимо выделить работы философов России конца XIX – первой трети XX в. (В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, Ф. Эрн, Л. П. Карсавина). Среди представителей философии культуры советского периода – А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин и многие другие, поскольку

марксистской философии присуще классическое понимание сущности культуры. В культурологических концепциях таких ярких европейских мыслителей XX века как О. Шпенглер, К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж. П. Сартр, А. Гадамер представлена также классическая парадигма, в рамках которой осмысляются такие проблемы как трагедия культуры, кризис культуры, культура и цивилизация, культура и техника.

2. Постклассическая парадигма

Примерно в последней трети XIX в. начинает складываться новая парадигма в определении сущности культуры. Ее формирование связано с интенсивным развитием социальных и гуманитарных наук XIX–XX столетий. Это историческая наука, социология, этнография или этнология, психология, социальная психология, нейрофизиология. Особенное значение для становления новой парадигмы культуры имели психоаналитические теории З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма. Дальнейшее развитие таких областей как генетика, антропология, зоопсихология также способствовало формированию постклассической парадигмы культуры.

Научные знания о человеке, его происхождении (здесь не последнюю роль сыграла теория Ч. Дарвина), антропологические и археологические сведения, результаты этнологии, социологии и углубленного изучения древних цивилизаций, лингвистика и семиотика – все это изменило содержание философско-теоретических предпосылок, на которых основывается классическая парадигма культуры. Представления о природе и сущности человека, о характере и содержании исторического процесса, о психологических импульсах и мотивах, лежащих в основе творчества, претерпели серьезное изменение.

Биологическая теория эволюции и изучение ее механизмов обнаружили, что в результате мутации могут накапливаться не только прогрессивные признаки, но и регрессивные. Эволюция человекоподобных обезьян в вид *homo sapiens*, скорее всего, началась в среде тех популяций, которые накопили не только прогрессивные, но и регрессивные признаки, в результате чего их естественная эволюция оказывалась невозможной, так же как и дальнейшее существование на эволюционной арене. Таким образом, человек является результатом эволюции природы, но отнюдь не венцом ее развития, а тупиковой ветвью. У истоков человека стояло не совершенное, а, напротив, «несовершенное» животное, страдающее рядом дефектов, которые привели к дисфункции врожденных биологических программ. Только нарушения в биологической программе жизнедеятельности могли стать причиной выработки генетически не закодированных, т. е. сверхприродных способов деятельности и форм поведения. Поэтому жизнедеятельность человека и, прежде всего, удовлетворение физических и психических потребностей осуществляется не по врожденным программам, а по усвоенным в процессе воспитания, обучения, общения.

Философская антропология XX в. отрицает некую «истинную сущность» человека, предшествующую его существованию. Человек не определен от рождения, не запрограммирован. «Незаданность» человека, его потенциальная возможность стать тем или иным зависят от сознательного выбора, от наследственных склонностей, от окружающей социальной среды и многих других факторов. Иными словами, современная философско-антропологическая концепция указывает на амбивалентность человека, потенциальную поливариантность индивидуального развития.

В свете нового представления о человеке меняется и трактовка творчества. Большое влияние на новое понимание творчества оказала теория З. Фрейда. Он одним из первых указал не на духовную основу творчества, но на вполне природную, естественную причину его – избыток энергии. Развитие психологии личности, изучающей потребности, установки, мотивы, лежащие в основе человеческой деятельности, в том числе творческой, выявило, что инициировать творческую активность человека могут не только желание создать нечто полезное и благое для людей, а тщеславие и честолюбие, стремление к богатству и самоутверждению. Более того, творчество инициируют не только сознательные цели, но и природные способности человека. Кроме того, выяснилось, что в результате творческой деятельности появились не только безусловно положительные и благие явления культуры, но и потенциально опасные (оружие, средства пыток, насилия). Таким образом, творчество может быть и опасным, результаты его могут служить прогрессу, а могут обернуться не только против прогресса, но и против существования человечества. Тем не менее, следует признать, что любой результат творческой деятельности независимо от его оценки является феноменом культуры, а не природы. Поэтому культура включает не только позитивные, но и негативные последствия человеческой деятельности – как творческой, так и репродуктивной.

Третья философско-теоретическая предпосылка парадигмы культуры – это представление о характере и содержании исторического процесса, которое также изменилось в результате развития исторической науки и возникновения новых концепций философии истории. Философско-историческая теория начинает рассматривать прогресс как далеко не единственную модель развития. Наряду с прогрессом существуют такие виды исторического движения как эволюция, цикличность, спиралевидное развитие, в котором на новом уровне сохраняются элементы прошлых стадий. Наконец, изменилось представление об общей логике человеческой истории как целенаправленном развитии, в процессе которого происходит совершенствование социальной системы и человека. Обнаружилось, что современная цивилизация может погибнуть так же, как предшествующие, что будущее не предсказуемо достоверно, но только вероятно, что историческое движение носит виртуальный (вероятностный) и многовекторный характер, т.е. направление развития может меняться.

Постклассическая парадигма культуры складывалась под влиянием философских идей второй половины XX века, научно-теоретических выводов и эмпирических данных, появившихся в разных науках. Это труды этнологов (Ю. Бромлей, Тан-Богораз, Ф. Боас, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Э. Тайлор, Б. Малиновский, Р. Бенедикт, Л. Н. Гумилев М. Мид), историков культуры и цивилизаций, лингвистов и специалистов по семиотике (А. Потебня, В. фон Гумбольдт, О. Фрейденберг, Ю. Лотман, Ф. де Соссюр, М. Фуко, Н. Хомский, В. Пропп, Р. Карнап), психологов (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, А. Р. Лурия, Л. С. Выготский, Г. Тард, Г. Леббон, С. Московичи, В. Вундт), социологов (М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, М. Маркузе, Т. Адорно).

Суть постклассической парадигмы отражена в определении культуры В. С. Степина. «Культура – это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех основных ее проявлениях» [3; с. 61]. Эти программы представлены многообразием норм, навыков, идеалов, способов деятельности и форм поведения, идей и представлений, ценностей, привычек, предметов быта, средств производства, произведений искусства, естественных и искусственных языков и прочего. Культура хранит знания, которые кодируются посредством различных элементов культуры и не кодируются генетически, поэтому их можно назвать «внегенетической информацией». Определения культуры в рамках постклассической парадигмы можно встретить в работах многих исследователей XX века. Но преимущественно это работы американских ученых (Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Кребер, Ф. Боас, Р. Рэдфилд, А. Радклифф-Браун, Л. Уайт, Б. Малиновский, П. Сорокин, М. Мид). Среди европейских ученых постклассическую парадигму культуры поддерживали и развивали своими определениями Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Стросс, А. де Бенуа, М. Мосс, Б. Малиновский, Р. Бенедикт, представители неофрейдизма и постмодернизма. Из отечественных культурологов наиболее последовательно эту концепцию культуры разрабатывали М. К. Петров и Э. С. Маркарян, но в последние два десятилетия она стала пользоваться популярностью среди российских ученых.

Постклассическая парадигма культуры формировалась на протяжении XX в., встречая определенное сопротивление со стороны представителей классического понимания культуры. Дело в том, что включение в сферу культуры таких явлений как война, спортивные состязания, оружие, негативные последствия человеческой деятельности в виде свалок и тому подобного, причисление к культурным феноменам ненормативной лексики и т. д., а, следовательно, признание их событием исключительно человеческого мира, противоречит разумности и духовности, которые рассматривались как атрибуты человека. Но человеку одинаково свойственно быть ра-

зумным и неразумным, духовным и бездуховным, быть «настоящим» человеком или хуже любого животного.

Главное, что отличает постклассическую парадигму культуры от классической – это предельно широкое понимание культуры, в которую включаются практически все феномены социальной реальности, все явления антропологического порядка, все результаты деятельности. Строго говоря, к культуре не относятся только явления природы, не испытывавшие прямого воздействия человека. Но, например, заповедники, парки, а также природные зоны, загрязненные в результате хозяйственной деятельности человека, есть явления культуры.

Культура как система надбиологических программ жизнедеятельности человека является системой открытой. Она качественно изменялась на протяжении истории, она представлена в многообразии этнических, национальных, цивилизационных культур. В культуре любой цивилизации, нации, народа есть позитивные и негативные элементы, поэтому постклассическая парадигма отрицает ранжирование культур по шкале «вышениже». Вместе с тем, соотношение конструктивного и деструктивного в конкретной культуре определяет, насколько она обеспечивает жизнеспособность социального субъекта (общества, нации, народа) и его историческую перспективу.

В современной культурологии обе парадигмы культуры – классическая и постклассическая – занимают равноправное положение и имеют своих сторонников и противников. Встречая то или иное определение культуры, довольно легко установить, к какой именно парадигме оно относится.

Библиографический список

1. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М, 1977. – С. 98.
2. Кармин А. С. Культурология. 2-е изд. – СПб. : Издательство «Лань», 2003.
3. Степин В. С. Культурология // Вопросы философии. – 1999. – № 8.



II. ESSENCE OF NATIONAL CULTURE



ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ ИВАНА ИЛЬИНА

С. Г. Рюмин

*Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный
университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия*

Summary. The article analyzes the views of the Russian philosopher Ivan Ilyin (1883–1954) on the Russian national culture. It reveals the importance of the patriotism for the Russian national culture. It is shown in the article that the Russian national culture is inextricably linked with the territory, the climate, the language and the many century-old history of Russia. It reveals the significance of the Orthodoxy for the Russian national culture, sense of justice, and the history of Russia. In the disregard of the Orthodox Culture, Ivan Ilyin sees the root cause of evil in the history of Russia, including the October Revolution.

Keywords: Russian national culture; patriotism; Orthodoxy.

Русский философ И. А. Ильин пророчески видел грядущую Россию как государство, «ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру». Он не мог обойти молчанием проблему кризиса культуры. Русский мыслитель писал: «Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо, прежде всего, свободное дыхание воли и разума; – и честные, верные слова диагноза, целения и прогноза» [2, с. 362].

В национальном чувстве таится источник достоинства и единения, который, по мнению И. А. Ильина, спасал наше Отечество во все нелегкие времена ее истории. Здесь же он видел истоки государственного правосознания, которое связывает всех россиян в живом национальном единении. Философ полагал, что духовного обновления русской национальной культуры можно достичь лишь путем объединения русского народа на фундаменте национальной идеи, корень которой он видел в духовном единстве России. Как отмечал мыслитель, это доказывается всей многотрудной историей русской национальной культуры, которая «создавалась в течение тысячелетия на единой, расширяющейся территории, в общей равнинной природе, в едином сурово-континентальном климате, под единой государственной властью и системой управления, при едином государственном языке, в единой судьбе, связанной с международными войнами и социально-классовым, хозяйственно-торговым сотрудничеством» [1, с. 321].

Инстинкт самосохранения национальной культуры проявляется, по мнению философа, в любви, жертвенности, храбрости и мудрости. Отсюда зарождается национальное единение, которое должно пылать в национальной культуре. При этом, по мнению И. А. Ильина, национальное чувство не только не противостоит христианству, но и основывается на нем, как на надежном фундаменте. Определяющим фактором «на судьбоносных путях» русской национальной культуры, как считал И. А. Ильин, является Православие, так как оно веками духовно руководило народом, закладывая фундамент национальной культуры. Эта мысль философа перекликается со словами Патриарха Кирилла: «Церковь наша <...> Это духовная скрепа, это линия самоидентификации нашей нации... покуда стоит Церковь как скрепа народной жизни, стоит и народ, способный сохранить свою независимость, свою целостность, свое национальное самосознание» [6].

И. А. Ильин считал принципиально важным условием для правильного постижения русской души понимание нашей национальной культуры как культуры православной. Философ показал в своем труде «Сущность и своеобразие русской культуры», что с Православием неразрывно связаны и культура, и правосознание, и история России. По мнению мыслителя, игнорирование православной культуры было основной причиной бед в истории России, в том числе и октябрьского переворота.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. Борьба за Россию // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 9-10. – 317-415 с.
2. Ильин, И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 2. – 496 с.
3. Ильин, И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 5–194.
4. Ильин, И. А. Поющее сердце // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. – М.: «Русская книга», 1993. – С. 227–380.
5. Ильин, И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. – М.: «Русская книга», 1993. – Т. 6. Кн. 2. – С. 373–620.
6. Патриарх Кирилл Проповедь в день памяти святителя Ионы, митрополита Московского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=1387>. – Загл. с экрана. – Проверено: 20.02.2017.
7. Рюмин, С.Г. Проблемы кризиса культуры в творчестве И.А. Ильина // Культура и образование. – 2014. – № 2 (6). – С. 2.



III. INTERACTION AND INTERFERENCE OF CIVILIZATION AND CULTURE



ETHNIC DIFFERENCES OF PSYCHOLOGICAL STATE EXPRESSION IN THE COMMUNICATION

I. S. Osipova

*Candidate of Psychological Sciences,
assistant,
National Research Ogarev
Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Summary. The problem of psychological state expression is considered in this article. The author analyzes the representation of psychological states at dictionaries of Erzya and Russian languages; degree of knowledge of these concepts Mordovian students and Russian students. Also the author emphasizes the importance of such researches for ethnic and cross-cultural psychology.

Keywords: communication; ethnic differences; expression; Erzya language; psychological state; Russian language.

The expression of the inner world is one of the communication functions. It is a well-known fact that the psychic always aims for externalization. The person can use a wide range of verbal and nonverbal communications for the purpose of this process. The person always endeavours to obtain the confirmation from other people in the communication. It more often uses the verbal means, because they are clearer for people. In the world there are a great number of languages, each one differ from others in many characteristics. They allow people to express their inner world and stress a variety of delicate gradations of psychological states typical of their nation. Often these delicate gradations are so specific that there are no words in other languages which can exactify certain psychological state. These make the process of understanding for people more difficult.

We did the researches ethnic differences of expression psychological state in the communication under the supervision a professor K. Romanov. We set a problem to research psychological states at dictionaries of Erzya and Russian languages. We pointed out about 200 psychological states in Russian language. These were the states of norm and the states of pathology. In that there is not a complete list of all the psychological state in psychology we also did not claim to absolute perfection at our works. For us it was interesting to compare the two languages for representation of psychological states.

We pointed out about 90 psychological states in the dictionary of Erzya language. Quantitative relation – 90 against 200 is not surprisingly. Firstly, the dictionary of Erzya language is considered about 27,000 words [2]. Secondly,

Mordovian people have studied Russian language and have used many words from it during living in close neighborhood with the Russian for ages. Thirdly, many psychological states, which are named by Russian people using one word, are expressed on word-group in Erzya language. For example, fondness is the warmth of the heart («нежность» – «тепло сердца» («седей лембе»)). Fourthly, the researches stress the restraint of the Mordovian to express their inner world [1].

For expression of psychological state it is very important for person to know it and has a copious vocabulary to describe it. Often poor in dictionary is a cause of expression's difficulties. They can be very dangerous for the personal development and psychological health.

In experimental studies for researching of individual dictionaries native Mordovian speakers we found out that the total dictionary's length of psychological states was 26 words. The average number of these states that could name students of Philology Department at Mordovian language was 6. The psychological states as love, anger, joy, fatigue was found with the high frequency in these works. The tasks of the concepts nomenclature are often difficult for people because the level of the psychological thinking development of the young is pour. The above is also true of high-school children and students without regard to their nationality. Even the students-psychologists vocabulary does not include all the words that name psychological states. With the student Alina Pogbaeva we found out that the total students-psychologists dictionary's length of psychological states was 165 words. The psychological states as joy, delight, fear, surprise, interest, love, soreness, despair, pride, anger, sadness was found with the high frequency in these works. About 99 percents of psychological states which are included in the students-psychologists' dictionary refer to the «norm». The smaller knowledge is presented in the field of pathological psychological states indeed.

At another experimental study we asked the Mordovian students to write an essay in which they could characterize their love experiences on their native language. We analyzed these works together with a student E. Kalinina. We noticed that the students used the Russian words occasionally. Here is a list of such words: «want», «late», «thought», «probably», «remember», «can not», «in the dark», «meaning of life», «introduced», «decided», «even», «more», «indifferent», «if», «mutual», «second», «minute» and others. We did the content analysis of these works. The leading place had the judgments which were presented the external subjectness, i.e. actions and acts of communication. For example, such judgments are: «I took a book from the table», «I said him that I would be leaving», «I closed the door in front of him». When the Russian-speaking students had written an essay on a similar topic the leading place in the structure of subjectness were presented by the internal subjectness judgments (expression verbal vehicles which were contained the categories of emotions and feelings («I enjoy every warm day», «I'm sad, when you pass by», «I'm angry that you do ill act»)).

Finally we stress that there are particular qualities of the nonverbal expression psychological states in the traditional communication of the Russian and the Mordovian. They are presented in the rites, dances, clothes, folklore. The studies of such particular qualities are very important both for ethnic psychology, which has a little knowledge of the Finno-Ugric peoples psychology and for philology, culturology, history.

Bibliography

1. Гагаев А. А. Эмоциональные основания мордовского КПЛ / А. А. Гагаев, Н. В. Кудаева // Угро-финский космо-психо-логос. – Саранск, 2009. – 614 с.
2. Эрзянско-русский словарь : около 27000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М. : Рус.яз., Дигора, 1993. – 803 с.

КЛУБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ КАК ФОРМА ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Н. Е. Минина

*Кандидат филологических наук, доцент,
Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова,*

Ж. П. Курдеко

*старший преподаватель,
Витебская ордена «Знак Почета»
государственная академия
ветеринарной медицины,*

А. А. Струнченко

*ведущий методист,
Витебский областной методический
центр народного творчества,
г. Витебск, Беларусь*

Summary. This article reveals the specificity and reflects the different forms of the club of international friendship on the basis of the rural houses of culture and its importance for the study of Russian as a foreign language.

Keywords: club of international friendship; Russian as a foreign language; intercultural communication; socio-cultural project.

Любительские занятия представляют собой весьма эффективный вид рекреации. Стремление проводить время с единомышленниками приводит любителя в досуговые объединения (любительские объединения и клубы по интересам по различным направлениям). В этих случаях любительство носит совместный характер, в процессе его успешно формируется и совершенствуется коммуникативный потенциал личности.

Клуб интернациональной дружбы (КИД) не новая форма работы. Она была широко распространена и в советское время, но в основном сво-

дилась к переписке и изучению географии, истории, языка и литературы различных стран. Основное внимание обращалось на интернационально-патриотическое воспитание молодёжи.

Несмотря на такую традиционность, клубная форма проведения досуга актуальна и популярна в современной молодёжной среде, так как предполагает добровольность участия, неформальность общения, активность и самостоятельность каждого участника, разнообразие видов деятельности. Основные принципы современного КИДа – уважение, открытость, свобода, миролюбие, неприятие национализма, толерантность, гуманизм. И что особенно ценно – это весьма эффективная форма внеаудиторной работы по РКИ, дающая возможность спонтанного общения на русском языке на различные темы и в различных коммуникативных ситуациях.

В рамках социокультурного проекта «Диалог народов и культур», реализация которого началась в 2014 году, на базе Мазоловского сельского Дома культуры Витебского района был создан Клуб интернациональной дружбы «Згода», в состав которого вошли иностранные студенты двух витебских вузов: Витебского государственного университета имени П. М. Машерова и Витебской государственной академии ветеринарной медицины. Сам же проект реализуется с целью популяризации культурных и исторических ценностей сельских населённых пунктов и создания условий для межкультурной коммуникации и развития межнациональных связей.

В рамках заседаний клуба проходят различные мероприятия. Так, только в 2016–2017 годах проведены выставки фотографий «Моя Родина», на которых студенты отразили все лучшее, что, по их мнению, есть в их странах; конкурс видеороликов и мультимедийных презентаций «Семь причин посетить Беларусь: глазами иностранного студента», куда студенты включили сюжеты о культурных традициях белорусского народа, о природе, о национальной кухне и т. д., представив как индивидуальные, так и коллективные работы; конкурс видеороликов и презентаций «Праздничные традиции моей страны»; праздник национальных культур «Нас объединила земля Беларуси»; конкурс творчества иностранных студентов «Песни и танцы моей страны»; благоустройство агрогородка Мазолово (создание Аллеи дружбы). Очень популярны среди иностранцев праздники белорусского народного календаря (Коляды, Масленица), выставки и мастер-классы по традиционным белорусским ремеслам (соломоплетение, вышиванка, лоскутное шитьё, набойка).

Во время реализации проекта студенты-иностранцы с большим желанием общаются с сельскими детьми, проводят для них мастер-классы (написание иероглифов и арабской вязи, рисование панды и кедра как символов Китая и Ливана), оказывают благотворительную помощь детям из малообеспеченных и многодетных семей, обмениваются контактами. Такое общение с сельскими детьми очень эффективно и в плане изучения

языка: снимает языковой барьер, детская лексика несложна для понимания, что особенно важно на начальном этапе обучения.

По итогам 2016–2017 учебного года планируется совместно с культработниками и молодежью агрогородка Мазолово создание «Полотна дружбы» (лоскутного панно из традиционных тканей и характерных для разных стран сувениров) и традиционное участие в расширении Аллеи дружбы (посадка яблоневых деревьев).

Таким образом, в рамках реализации проекта на территории агрогородка Мазолово прошло несколько десятков мероприятий. Сначала проект был рассчитан на один учебный год, но иностранные студенты витебских вузов и местная молодежь проявили к нему небывалый интерес – и было принято решение сделать его традиционным.

Участие в данном проекте даёт возможность иностранным студентам быстрее адаптироваться в совершенно новой для них социокультурной среде и укрепляет дружеские связи между студентами различных стран (в нашем случае – Китай, Ливан, Туркменистан, Азербайджан, Нигерия, Марокко, Иордания, Тунис, Мальдивы, Израиль, Шри-Ланка), позволяет быть более успешными в изучении русского языка, снимает психологические барьеры в общении, расширяет знания о стране проживания, её истории и традициях, развивает и открывает у студентов творческие, интеллектуальные и организаторские способности, объединяет студентов, прививает уважение к людям другой национальности на основе признания ценности каждого человека.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА И ОТБОРА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. И. Халупо

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный
аграрный университет,
г. Челябинск, Россия*

Summary. The article deals with the importance of choosing linguistic-cultural material that is presented to the students during the process of learning a foreign language. In the era of numerous information and students' workload by other activities, it is proposed to focus on the most significant and culture comprising information. This approach will help to ensure that the process of interaction in the classrooms and in real situations will be more simpler and easier but more adequate and appropriate.

Keywords: foreign language; linguistic-cultural material; intercultural interaction; principle of sufficiency.

В настоящее время существует не просто большое, а огромное количество разных методик преподавания иностранных языков, появились новые интернет-ресурсы, существует реальная возможность выезжать за рубеж и оказываться в пространстве языка. Кроме того, работа в интернете требует от пользователя достаточно продвинутых знаний в этой области. Однако, как показывает многолетняя практика, после окончания школы, не все владеют иностранным языком на достаточном уровне. Более того, наблюдается практика, ориентированная на пассивное изучение языка в школе, так как в дальнейшем, как полагают многие учителя школ, язык не будет объектом изучения в профессиональном плане. Таким образом, снижение уровня преподавания иностранного языка является итогом умозаключений некоторых "недальновидных" школьных учителей. Забывается о том, что язык развивает мышление, память, учит мыслить и т. д. Ведь ещё Л. С. Выготский отмечал, что "сознательное и намеренное усвоение иностранного языка совершенно очевидно опирается на известный уровень развития родного языка... и обратно - усвоение иностранного языка проторяет путь для овладения высшими формами родного языка" [2, с. 29].

В данной статье мы акцентируем наше внимание на том, что знания, которые обучаемый усваивает при овладении иностранным языком, должны быть "пропитаны" лингвокультурной спецификой. То есть для адекватного понимания тех или иных явлений, фактов, событий, необходимо наряду с лингвистическими знаниями овладеть и сведениями, имеющие национально-культурные признаки. Реальность такова, что в погоне за изучением большого количества материала, или наоборот, явное снижение уровня преподавания, сведение его к чтению и переводу текстов, причем письменно, понижается знание иностранного языка. Следует также отме-

тить, что речь в данном случае идет не об языковых школах и языковых факультетах. Проблема обозначается с точки зрения среднего уровня владения языком школьников и студентов, которые обучаются в неспециализированных в плане языка школах, гимназиях, вузах и, которых, оказывается большинство. Кроме того, изучение языка начинается в настоящее время с первого класса и, осваивая предмет в течение одиннадцати лет, обучаемые не могут не только общаться на языке, но и просто выразить свое мнение по какой-либо проблеме, ответить на поставленный вопрос в минимальном количестве простых предложений.

В настоящее время наблюдается противоречие между стремительно нарастающим потоком информации, скоростью её распространения и ограниченными возможностями усваивать и перерабатывать её в стенах образовательных учреждений [7, с. 326]. Поэтому, на наш взгляд, требуется предлагать новые подходы, используя весь арсенал методик и средств для обучения. Теоретически, существующие методики могут обеспечить адекватную подготовку школьников, студентов, желающих изучать иностранный язык. Значит, следует более тщательно подойти к выбору тех средств, которые способствуют формированию понимания иноязычной речи. Одним из подходов, на наш взгляд, следует признать *принцип достаточности*. «За достаточный уровень межкультурной компетенции обычно принимается совокупность языковой, коммуникативной и культурной компетенции, обеспечивающая возможность адекватного общения в конкретной социальной или этнической группе» [5, с. 252].

В данном случае мы не говорим "о перфекционизме", который достигают не все в силу различных причин: психологических, социальных, воспитательных, иногда неспособности восприятия и овладения необходимой информацией, недостаточной мотивации, простого нежелания и т. д. И как показывает наш опыт (и личный – созерцательный, и профессиональный – оценивающий), не все справляются с овладением определенных компетенций" [6, с. 32–33]. А формирование компетенций будет происходить в результате овладения определенным материалом, который будет отражать ценности той или иной культуры. Ведь важно осознавать не только наши российские ценности, но и ценности той культуры, с представителями которой мы вступаем во взаимодействие [3, с. 91]. Такой материал лучше представит страну в лингвокультурном плане, предоставит возможность задуматься о различиях и сходствах, позволит сформировать картину мира. Известно, что при изучении иностранного языка формируется языковая картина мира, расширяется кругозор личности, что дает совершенное восприятие причастности к мировому сообществу, развиваются мыслительные процессы и коммуникативные способности [1, с. 21].

Кроме того, важным представляется в данном случае формирование языковой личности, которая осуществляет свою жизнедеятельность в пространстве культуры, проявляется на разных уровнях, существует в стерео-

типах и нормах поведения, взаимодействует с объектами культуры [4, с. 140–141]. Чтобы сформировать языковую личность, необходимо обозначить те средства, которые необходимы для этого. Мы предлагаем тщательным образом выбирать материал для изучения, подходить с точки зрения неперегруженности. Даже на относительно небольшом материале можно получить положительный результат.

Таким образом, отбор содержания материала при обучении иностранному языку должен быть тщательно проанализирован на основе определенных факторов, одним из которых является достаточность. Несомненно, количество и качество материала должно быть обосновано, целесообразно и отвечать тем требованиям, которые предъявляются к определенному уровню обучения иностранному языку.

Библиографический список

1. Бикбова Л.Н. Воспитательный и образовательный потенциал урока иностранного языка в вузе. В сборнике: Достижения науки – агропромышленному производству. Материалы LII Международной научно-технической конференции. 2013. С. 20-23.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6-ти т. Т.2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
3. Насонова О.О., Уряшева Н.П. Разграничения и идентификации культур на основе устойчивых ценностных оснований и ориентациях в процессе обучения иностранным языкам. Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 3-2 (71). С. 86-91.
4. Ригина Н.А. Развитие языковой личности студента при обучении деловому общению на иностранном языке // Достижения науки – агропромышленному производству: материалы LII международной научно-технической конференции. – Челябинск, 2013. – С. 140 – 143.
5. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / А. П. Садохин. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
6. Халупо О.И. Межкультурная компетенция: лингвокультурный аспект: монография / О.И. Халупо. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. – 164 с.
7. Шумакова И.С. Формирование самообразовательной компетенции. В сборнике: Достижения науки - агропромышленному производству Материалы XLIX Международной научно-технической конференции. Челябинская государственная агроинженерная академия. 2010. С. 325-329.



IV. FEATURES OF THE GLOBALIZATION OF CULTURAL PROCESSES



НАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО КЛЮЧЕВОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ КИТАЙСКОГО АРТ-РЫНКА

И. Г. Хангельдиева

*Профессор,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Summary. This article analyzes the development of contemporary Chinese art market. The dynamics of development and the size of the market, highlighted four main target audiences market. It demonstrated the heterogeneity of target audiences Chinese art market. It was revealed that a key figure in the art market in China are sub-national customers. These consumers characterize virtually all segments of the art market from economy class to premium. Along with the economic aspect of the analysis of the Chinese art market in the article basis of socio-psychological motives of investing in art, as well as identified key needs are thought. As a result, it is proved that the Chinese art consumer is more an investor than a classic collectors of fine art.

Keywords: fine art; art market; the target audience; the main actors of the art market; consumers.

*Vita brevis, ars longa
Жизни коротка, искусство вечно
(Латинская пословица)*

Китай как игрок глобального рынка представляет большой интерес для развитых и развивающихся национальных экономик. Он динамично идет вперед и с такой оценкой, несмотря на некоторые проблемы, связанные с определенным замедлением экономического развития в 2015/16 гг., уже никто не спорит, основу для дискуссий оставляют детали и нюансы. Естественно возникает вопрос, например, почему арт-рынок России не стал столь притягательным, чем его китайский собрат.

Активность арт-рынка как любого другого связано с оживлением спроса. Основными потребителями художественных произведения являются коллекционеры, музеи и арт-галерею. Новый арт-рынок оживает не за счет антиквариата и вторичных продаж, а за счет востребованности в первую очередь современного искусства.

В современном изобразительном искусстве Китая особый интерес представляют новые имена, однако не только они. Для западных любителей экзотики остаются востребованы известные художники с выраженной

национальной особенностью, есть целевые аудитории внутри КНР, которые остаются верны мастерам традиционной живописи.

Существует ряд объективных причин, которые делают современный китайский арт-рынок в разной степени привлекательным как для внутреннего, так и для внешнего потребителя. Известно, что за 25 лет своего развития арт-рынок Китая из начинающего превратился в один из ведущих игроков мира. Этому сопутствовал не только растущий интерес к его современному искусству, но и гигантские экономические, политические и социальные изменения, которые неслучайно называют китайским чудом.

Свободные экономические отношения, частная собственность способствовали возникновению класса богатых людей. Последние годы экономика КНР занимала 3-е место в мире, в 2016 г. стала второй. «За последний год число долларовых миллиардеров в Китае увеличилось на 242 человека – теперь в этой стране проживают 596 человек с состоянием более \$1 млрд. Таким образом, Китай, вторая по величине экономика мира, она впервые обошла по этому показателю США, где проживают 537 миллиардеров» [2]. Данная статистика представлена китайским исследовательским институтом Hurun. Сегодня не секрет, что в последнее время в Китае каждые пять дней возникает новоявленный миллиардер [3].

Исследования авторитетной международной консалтинговой компании, McKinsey & Company показывает, что доля численности среднего класса в КНР неуклонно растет с 4 % в 2000 году до 68 % в 2012 г., а к 2022 г. предположительно составит 74 % [6]. Эксперты выделяют в структуре китайского общества массовый средний класс и его верхушку, ежегодный доход которых составляет \$17–37 тыс. Именно динамика эволюции «верхушки» среднего класса делает объективно КНР привлекательным рынком и для национальных, и для зарубежных компаний.

Если торговый, финансовый и производственный рынок развивались значительно активнее на первых порах китайских преобразований и реформ, то развитие арт-рынка требует особых условий. Арт-рынок – это рынок не бедной и стабильной страны, это рынок страны, у граждан которой есть средства не только на жизнь, то есть на первичные потребности, но и на удовольствия. В обществе, у части граждан которого удовлетворены даже избыточные потребности, например, в роскоши (множественная недвижимость, движимость, драгоценности...), возникают новые символы богатства. На первый план в иерархии потребностей таких людей выходят искусство и впечатления от путешествий.

При вложениях в искусство, кроме того, что человек удовлетворяет свои эстетические потребности, а также потребности в сильных переживаниях и впечатлений, он еще как минимум становится покупателем и, в какой-то мере, инвестором, который, приобретя на аукционе художественное произведение, останется не только с впечатляющими эмоциями и воспоминаниями, но и с вложенными средствами, а вложенные средства в ис-

куство, как известно, игра в долгую. В несколько отдаленном будущем эти вложения дадут прирост. Если сравнивать вложения в искусство и путешествия, то от путешествия остаются только воспоминания и купленные сувениры, а от произведений искусства, приобретенных на аукционе, безусловно, в будущем еще и экономическая выгода.

На втором этапе формирования китайского арт-рынка, когда практически его стихийность стала приобретать некую упорядоченность, в его пространстве стали формироваться различные группы, имеющие запрос на искусство. Именно в этих условиях в Китае стало формироваться новое словие коллекционеров. Это сословие весьма неоднородно, так как включает в себя национальных и зарубежных представителей. Национальные коллекционеры в своей совокупности представляют некий слоеный пирог. Среди них можно выделить три группы коллекционеров, у которых интересы к искусству различны. Современные китайские коллекционеры проделывают подчас одинаковый путь: покупатель – инвестор – коллекционер.

Первые представляют собой группу, для которой приобщенность к прекрасному – это характеристика определенного социального статуса, как в случае с высокой модой или брендами мирового уровня, это маркер особой духовной избранности, развитости, высокого вкуса. Эта группа пытается за счет приобщения к ценностям искусства повысить свой социальный имидж и укрепить свою репутацию. В данном случае коллекционирование искусства – социальный лифт, особый входной билет в более высокую социальную общность, как правило внутри своей страны. К первой группе часто причисляют «золотую молодежь».

Вторая группа внутри китайских коллекционеров, о которой пишут и говорят знатоки китайского арт-рынка, это очень состоятельные люди, являющиеся уже сейчас настоящими ценителями искусства. Интересы данной группы коллекционеров, концентрируются на так называемых «голубых фишках» арт-рынка. К ним могут быть отнесены признанные произведения великих мастеров: импрессионистов, некоторых представителей модерна или контемпорари и т. д. Состоятельные коллекционеры могут ставить ценовые рекорды на арт-аукционах [1]. Китайские нувориши устанавливают не только ценовые рекорды, но и рекорды времени, создавая свои очень дорогие и ценные коллекции за короткий срок, например, до 5 лет. Эксперты утверждают, что новое поколение китайских коллекционеров воспринимает картины лишь в качестве объектов выгодного инвестирования. Они «рискуют» приобретая работы малоизвестных современных художников, надеясь выгодно перепродать их через пару лет, или просто перевыставив лот на другой аукцион [7].

Есть и третья группа коллекционеров. Это не просто коллекционеры-инвесторы, это коллекционеры-коллекционеры. Они давно на рынке, их коллекции насчитывают относительно продолжительный срок формирования, их деятельность носит социально направленный характер. Такие кол-

лекционеры формируют свои собрания не только для себя любимых, они способны к благотворительным жестам в отношении музеев, галерей, частных владельцев, к дарам в их пользу [7].

Четвертой группой коллекционеров являются представители зарубежных стран. Это особенная группа, которая имеет западный опыт формирования коллекций. Китай мог привлечь их своей неординарностью, относительно низкими ценами на современное искусство в сегменте молодых талантливых, но еще неизвестных художников. Именно к таким фигурам принято относить Ули Зигга – выходца из Швейцарии. Его коллекция насчитывает более 1000 единиц хранения, в его коллекции представлены работы 160-ти художников китайского современного искусства, чьи работы сложно найти в музеях и галереях Китая, но при этом они являются высоко котируемыми в пространстве мирового арт-рынка.

За последнее время достаточно много информации собрано экспертным сообществом, предметно занимающимся аналитикой развития мирового арт-рынка, согласно которой сегодня существует несколько интернет-порталов, сайтов, которые аккумулируют подобную информацию и ведут активный мониторинг основных направлений его развития, в том числе и национально-регионального характера.

«Арт-рынок Китая стремительно развивается. За последние восемь лет его объем увеличился на 305%. Сейчас в Китае насчитывается около 100 зарегистрированных аукционных домов: Sotheby's, Christie's, China Guardian, Poly International Auction Company, а ведь всего 20 лет назад в Китае вообще не существовало спроса на предметы искусства» [4].

В 2010 г. лондонский аналитический центр – Art Tactic опубликовал свой отчет, который был озаглавлен следующим образом: «Индекс доверия к китайскому арт-рынку ставит новый рекорд». Этот отчет показывает, что «китайский рынок современного искусства переместился на первое место и на 21 % превышает американский и европейский арт-рынки» [5]. С некоторых пор первая неделя апреля традиционно стала «китайской неделей» на мировом аукционном рынке искусства.

Недаром уже в конце 2012-го – начале 2013 года случилось сразу несколько событий, показавших, что западные продавцы искусства готовы на многое, для того бы проникнуть и закрепиться на новом и столь многообещающем рынке изобразительного искусства. Ныне арт-рынок Китая имеет две завидные площадки – Пекин и Шанхай.

Многие эксперты отмечают, что феномен арт-рынка Китая обусловлен спросом на произведения *внутри страны*. Причём наибольшей популярностью пользуются картины нижнего (10–100 тыс. долларов) и высшего (более 1 млн. долларов) ценового сегмента. Очевиден явный ценовой разрыв. Существуют две группы потребителей, возможности которых строго определены. Но если вспомнить, что демографическая составляющая в данном случае может увеличить обе эти группы, а темпы прироста

китайских миллиардеров останутся на современном уровне или даже несколько замедлится, то емкость внутреннего арт-рынка КНР не пострадает, а возможно и увеличится. Движение Китае к общественному процветанию неминуемо увеличит первую группу потребителей и со временем выделит и третью – промежуточную группу. Другими словами, целевые аудитории арт-рынка будут иметь тенденцию к более выраженной дифференциации. А пока особенностью китайского арт-рынка является то, что произведения искусства внутри Китае приобретаются не для личного использования (коллекционирования), а для инвестирования и дальнейшей перепродажи. Это характерно в основном как для эконом-класса, так и для премиум-сегмента современного арт-рынка. Но это абсолютно не отрицает наличия в Китае группы людей, которые уже стали настоящими коллекционерами или находятся в процессе становления.

Библиографический список

1. Глэза О. Кто они, коллекционеры китайского искусства?// - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.south-insight.com/node/313?language=ru>
2. Китай впервые обошел США по количеству долларовых миллиардеров. Подробнее на РБК// [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.rbc.ru/business/15/10/2015/561fa1f19a7947fb43faa086>
3. Китай каждый 5-й день получает нового миллиардера// - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://joyreactor.cc/post/2835555>
4. Китай. Международная выставка-продажа ART CANTON 2016 приглашает художников! // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://shr.su/dt/item/1248-artcanton.htm>
5. Скатерщиков С. Китай между Японией и Америк// - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://artchronika.ru/gorod>
6. Средний класс в КНР открывает новые перспективы для иностранных компаний// - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://atrnews.ru/kitay/45038/sredniy_klass_v_kitae_dolya_chislennosti_srednego_klassa_v_knr_s_4_v_2000_godu_uvelichilas_do_68_v_2/
7. Siemons M. Kleine Typologie des chinesischen Kunstmarkts Banken, Staat, Armee, Funktionäre und die Millionäre: Sie sind in China Akteure einer Branche mit sehr eigenwilligen Gesetzen. Eine Bestandsaufnahme [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kunstmarkt/versteigern-in-china-kleine-typologie-des-chinesischen-kunstmarkts-11882536.html>



V. ROLE OF LANGUAGE AND RELIGION IN FORMATION OF NATIONAL CULTURE



РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОЙ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

С. М. Галбацев

*Соискатель,
Южно-Российский институт управления
(филиал),
Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. This article observes the religion and ethnic cultures in the inter-ethnic relation in Dagestan. The paper analyses the difference aspects of ethnic competition in the traditional society. Most attention is concept of the ethnic dialog and competition, and sustainable development in the Republic of Dagestan.

Keywords: ethnic; traditional society; competition; innovation; Dagestan.

В последние годы, концепция устойчивого развития перекочевала из сферы экологии, затем экономики в сферу политической науки, и довольно прочно там прижилась.

В то же время, несмотря на то, что устойчивое развитие стало одним из важных направлений в сфере исследований в политологии и даже в сфере практикоориентированных направлений современного этапа развития концепта, где цели развития тысячелетия приобретают все более политический характер, все более связанный с либеральной идеологией, правами человека, защитой этнических меньшинств и сохранением культурного многообразия [2].

Россия представляется примером идеального типа государства с мультиэтничным режимом, как и Канада, и Индия [8, с. 119].

Политический аспект программ устойчивого развития интересен для анализа политики межнациональных отношений в современной Республике Дагестан, как в полиэтничном обществе, пронизанном конкуренцией многочисленных этнических групп [3, с. 149–154] в целях поиска гармонизации [1] отношений и достижения развития, устойчивости и стабильности.

А. М. Старостин пишет о том, что конкуренция должна быть публична и открыта, а также необходима демонополизация - разрушение привилегированного положения отдельных участников конкурентного процесса. В противном случае, при нарушении правил поддержания конку-

рентного процесса происходит квазиконкуренция. В итоге такая декоративная конкуренция ведет либо к асимметричному теневому ответу, когда «непривилегированные» участники процесса начинают пользоваться запрещенными приемами, либо – к конфликтным и скандальным ситуациям, вплоть до массовых социальных взрывов [5, с. 346].

Так, и в Республике Дагестан, отмечается «гегемония большинства» [8, с. 115–164], где в конкуренции участвуют лишь представители нескольких, наиболее многочисленных этнических групп, которые доминируют и в сфере политики, и в духовной сфере [3, с. 149–154]. Многочисленность коренных национальных групп, имеющих свои интересы и ожидания, требует тщательно продуманных действий в сфере межнациональной политики, использование предыдущего опыта квотирования и т. д. [4].

Представленность властей во власти, соблюдение принципа справедливости, играют важную роль в достижении устойчивого развития республики, отличающейся многочисленностью коренных этносов.

Политика в сфере религии должна быть ориентирована на изучение новых технологий и методик, используемых радикальными группами, их опыт в организации протестов, взаимодействие структур негражданского и структур гражданского общества в целях поддержания протестной атмосферы [7, с. 37–42], больше внимание уделять тем структурам, которые несут положительный потенциал и пользуются доверием [6, с. 239].

Библиографический список

1. Вопросы гармонизации межкультурных, межнациональных и межконфессиональных отношений: Сборник статей Международной научно-практической конференции Ростов-на-Дону, 4 декабря 2013 г. – М. : Издательство «Перо», 2016. – С. 520–527.
2. Галбацев С.М. Устойчивое развитие Республики Дагестан: Межнациональная конкуренция как фактор риска. – Махачкала: Издательство «ДГУ», 2016.
3. Галбацев С.М. Этнополитическая конкуренция и роль структур гражданского общества в устойчивом развитии Республики Дагестан // Власть. 2016. № 2. С. 149-154.
4. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: монография. Москва. Изд-во «Перо», 2014. 196 с.
5. Старостин А. М. Прикладная философия как философская инноватика. Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. – 568 с.
6. Сиражудинова С.В. Модель гражданского общества на постсоветском пространстве: взгляд из регионов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 239.
7. Сиражудинова С.В. Управление конфликтом: протестная политика и гражданское общество в современном мире // Информационные войны. 2016. № 4. С. 37-42.
8. Şener Aktürk (2011). Regimes of Ethnicity: Comparative Analysis of Germany, the Soviet Union/Post-Soviet Russia, and Turkey. World Politics, 63, pp. 115-164.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ МОДЕРНОЙ НАЦИИ (вторая половина XIX – начало XX века)

О. М. Казакевич

*Кандидат исторических наук, доцент,
докторант,
Национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова,
Киев, Украина.*

Summary. The language played a crucial role in the Ukrainian modern nation establishment during the 19th – early 20th cc. The author stresses that the social and legal status of the Ukrainian language in the Russian empire differed significantly from the one in the Habsburg monarchy. The Ukrainian intellectuals paid a great attention to the language question in the late 19th c. Due to their efforts the Ukrainian language turned into the mediator in the relations between the different segments of the Ukrainian society which was divided by the state borders, classes and confessions at the moment.

Keywords: Ukrainian language; modern nation; national identity; intellectuals.

Взаимосвязь национальной и этнической идентичности с языком является предметом изучения различных научных дисциплин: этнологии, этнополитологии, социолингвистики, социальной философии, истории. Многие исследователи отмечают важное значение языкового вопроса в процессе становления этнического сознания и формировании нации [1; 2; 4; 8]. Б. Андерсон подчеркивает, что соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная морфология которого подготовила почву для современной нации [2, с. 69].

В национальных процессах важное значение имеет самоидентификация, и для безгосударственных народов язык становится одним из элементов ее формирования. В процессе формирования современной нации украинский язык выполнял роль консолидирующего центра общности, разделенной между имперским миром России и Австро-Венгрии. Именно он маркировал культурное отличие украинцев от других этнических общностей, в первую очередь, от русских и поляков.

Неоднозначно на утверждение украинской идентичности повлияло использование запретных мер в отношении украинского языка в Российской империи. Ограничивая возможности его развития в империи языковая политика вместе с тем способствовала созданию протестных настроений. В. Шандра считает, что “отстаивание языка украинскими интеллектуалами и борьба против него верховной власти, которая приобрела запретные формы, безусловно подтверждают его решающую роль в конструировании национальной идентичности” [10, с. XXXVI].

Следствием языковой политики Российской империи явилось падение социального статуса украинского языка, который на протяжении всего XIX века оставался языком “низкого престижа”, ассоциировался в первую очередь с крестьянским бытом и не мог быть использован во всех сферах коммуникации. Если следовать классификации Г. Шмидт-Рора [3, с. 150], то из девяти областей использования языка, украинский в Российской империи функционировал только в четырех, а именно в семье, в детских играх, частично в литературе и печати. Церковь, школа, армия, суд и управление оставались вне сферы функционирования языка большинства населения Украины. В то же время, в Австро-Венгрии украинский язык, имея законодательно закрепленный статус регионального, сравнительно широко использовался в сфере образования, печати, деятельности местных органов административного управления, а порой и в Австрийском парламенте. Не смотря на низкий уровень индустриализации и урбанизации в Галиции, украинская идентичность формировалась здесь быстрее, чем в империи Романовых, главным образом благодаря более эффективной борьбе с неграмотностью и более прочным демократическим институтам [6, с. 17].

Значительные различия в языковой ситуации на украинских землях Российской и Австро-Венгерской империй способствовали тому, что формирование украинской идентичности шло разными путями, но вело в итоге к общему результату – формированию украинской современной нации. В Галиции противостояние за умы и сердца местного населения велось между украинским и польским языками, наряду с растущим влиянием немецкого и, отчасти, русского. На Закарпатье конкуренцию украинскому составляли венгерский и русский языки, на Правобережье – русский и польский (впрочем, влияние последнего к концу столетия значительно ослабло). Наиболее сложная культурно-языковая конфигурация сложилась на юге современной Украины, в Таврической и Херсонской губерниях, а также на Буковине и в Бессарабии. В. Старик отмечает, что “если, например, во Франции во второй половине XIX века для крестьян был открыт только один путь “из крестьян – во французы”, то буковинские и бессарабские крестьяне в конце своего пути к современной национальной идентичности имели шанс стать и украинцами, и румынами и молдаванами» [9, с. 73]. Тем не менее, существование локальных различий не стало толчком к формированию конкурирующих региональных украинских идентичностей. Как полагает А. Миллер, в начале XX века главная линия раздела и в Галиции, и в российской Украине по-прежнему проходила между общерусской и украинской стратегиями идентификации [7].

Обладая потенциалом “полного языка” украинский постепенно реализовал его благодаря литературной и научной деятельности таких представителей украинской интеллигенции как П. Кулиш, Б. Гринченко, И. Нечуй-Левицкий, К. Михальчук, П. Житецкий, О. Косач, И. Франко, С. Смаль-Стоцкий и др. Многие из них осознавали, что именно язык яв-

лявся зв'язуючою ниткою між освіченою частиною суспільства, в середі якої формувалося уявлення про українську політичну націю, і більшістю населення [5, с. 93–94]. Саме це покоління інтелектуалів, яке, не зважаючи на межі, діяло в єдиному культурному полі, зіграло провідну роль у формуванні загальноукраїнської ідентичності. У другій половині XIX століття їх зусилля були зосереджені на формуванні української літературної мови та розширенні сфер її застосування. Зокрема, в Російській імперії актуальним було введення української мови в сферу освіти, в Австро-Угорщині – повне її використання в судовій системі.

Таким чином, мова зіграла виключальну роль у формуванні національної ідентичності українців у другій половині XIX століття. Незважаючи на регіональні відмінності в мовній ситуації, українська мова стала тим соціальним посередником, який сприяв трансляції української ідентичності в суспільстві, розділеному межами держав, класів і конфесій, а також її збереженню в умовах соціальних і воєнно-політичних конфліктів перших десятиліть XX століття.

Бібліографічний список

1. Альтер П. Нація: проблема визначення // Націоналізм: Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернста Гелнера. Антологія. 2-ге вид. / Упор. О. Проценко, В. Лісовий. Київ : «Смолоскип», 2006. – С. 273-282.
2. Андерсон Б. Воображаєме суспільство. Роздуми про історію та поширення націоналізму / Пер. з англ. В. Николаєва; Вступ. ст. С. Баньковської. – М. : «КАНОН-прес-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
3. Вайнрайх У. Мовні контакти. Становлення та проблеми дослідження. – К. : «Вища школа», 1979. – 246 с.
4. Дойч К. Народи, нації та комунікація // Націоналізм. Антологія. 2-ге вид. / Упор. О. Проценко, В. Лісовий. Київ : «Смолоскип», 2006. – С. 317-332.
5. Зіньківський Т. Молода Україна, її становище і шлях // Писання Трохима Зіньківського. Кн. 2. – Львів, 1896. – С. 81-119.
6. Каппелер А. Громадянська чи етнічна нація? Зауваги з теорії та історіографії // Україна. Процеси націотворення / Упор. Андреас Каппелер; пер. з нім. – Київ : «К.І.С.», 2011. – 416 с. – С. 13-28.
7. Миллер А. И. Дуалізм ідентичностей на Україні // Отечественные записки. – 2007. – № 1 (34) .
8. Сетон-Вотсон Г. Старі й нові нації // Націоналізм. Антологія. 2-ге вид. / Упор. О. Проценко, В. Лісовий. – Київ : «Смолоскип», 2006. – С. 290-293.
9. Старик В. П. Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914-1921. Частина II. Між націоналізмом і толерантністю. – Чернівці : Видавництво «Прут», 2009. – 184 с.
10. Шандра В. С. Мова як засіб формування національної ідентичності // Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів / Відп. ред. Г. Боряк; вступ. ст. В. Шандра; П. Гриценко. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2013. – С. VII-XXXVII.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕЛИГИОЗНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА XIX ВЕКА

Т. В. Федорова
А. В. Степанов

*Кандидат исторических наук, доцент,
магистрант,
Иркутский государственный
университет,
г. Иркутск, Россия*

Summary. This article discloses process of a research of problems of religious and ethnic identity within cultural and anthropological approach. The research of traditional cultures of the European people E. Taylor gives the chance of understanding of communication of culture and religion. Ethnic identity is implemented through religious outlook.

Keywords: religion; identity; culture; cultural anthropology; ethnos.

Процесс глобализации общества на современном этапе развития общества привел к появлению новых международных проблем, одной из которых является проблемы религиозной и этнической идентичности. Это связано с объединением людей перед мировыми угрозами, стиранием культурных и геополитических границ. Общество все меньше ассоциирует самих себя с различными этническими, социальными, религиозными группами, в результате встает проблема самоидентификации личности. Это затрудняет процесс усвоения определенного набора ценностей и норм. Кроме того, проблемы религиозной и этнической идентичности на сегодняшний день часто играют не последнюю роль в международных конфликтах.

Исследования религиозной и этнической идентичности начались еще в конце XIX в., и был отражен в трудах таких ученых как Э. Тайлор, Дж. Фрэйзер, Р. Маррет и др. Данная проблема является очень сложной, поскольку имеет множество составляющих, к которым следует отнести личностную, социальную, этническую и культурную, религиозную составляющие.

Явление религиозной идентичности может быть определено посредством специфических особенностей религиозного отношения к действительности. Специфические особенности этого отношения к действительности вызваны религиозной перспективой. У любого этноса в архетипе сознания есть фундаментальные понятия о добре и зле. Первоначально присутствуя в каждой культуре, их происхождение глубоко внедрено в религию, и уже впоследствии они были переполнены этническими ценностями и значениями. Существенная особенность религиозных нравов – ее внимание на постоянную и необыкновенную действительность. С религиозной точки зрения фундаментальное требование действительно морального поведения – есть основное соблюдение религиозных императивов и положений доктрины. Ядро этнического мировоззрения здесь стоит рассматривать как структуру «...ведущих мотивов, определяющих внутреннюю позицию

субъекта, его отношение к этносоциальному взаимодействию с позиции этнических ценностей...» [5, с. 93].

Религиозное и этническое в ситуации полной тождественности превращает идентичность в упорядоченную систему значений. Так «...в рамках культуры, ориентированной на определенные стандарты в постижении мира и организации социальной жизни, неизбежна постановка вопроса о соответствии этим стандартам всех видов духовной, интеллектуальной и практической деятельности» [2, с. 97].

Религиозное мировоззрение в отличие от этнического не ограничено пределами земных реалий. На первый план выходит значение трансцендентного измерения в религии. Религия дает «понять и интерпретировать то измерение жизни, которое в некоторых отношениях значительно больше того, что мы видим» [4, с. 23]. Более того, универсальность культуры обусловлена универсальной природой человека, а первая историческая форма, в которой актуализирует индивид свое истинное содержание, опыт и знания первоначально проявляется в религиозном мировоззрении.

Во второй половине XIX в. культурная антропология включила в себя исследование трансформаций, которые произошли с религиозными верованиями в процессе исторического развития человечества. Соответственно большое значение имеет изучение генетической связи между самыми архаичными верованиями и последующими стадиями эволюции религии. Важным стал и вопрос о соотношении религиозного и нерелигиозного в традиционном и современном обществах. Эта довольно сложная проблема была проанализирована в различных видах. В форме подразделения действительности на сакральный и профанный миры, в рамках анализа вопроса роли суеверия и остатков в функционировании современных обществ, и также в форме исследования отношения магии, религии и науки. Современная наука, основываясь на опыте религиоведов XIX в. рассматривает проблемы религиозности как репрезентанта современных тенденций социального развития, а также специфические особенности влияния религиогенеза на процесс этнической самоидентификации общества.

Концу XIX в. фактический материал о большинстве различных религиозных верований несколько раз увеличивался по сравнению с предыдущими периодами, в результате у исследователей была возможность восстановить более определенную картину распределения и эволюции ранних форм религии. Применение эволюционного подхода к ранним формам верований стало основным пунктом религиозного развития. Не отказываясь от создания теоретических проектов, первые антропологи дали основную структуру классификации эмпирического материала.. И в этом плане одним из первых значительных трудов в этнологии периода эволюционизма стала работа Э. Тайлора «Первобытная культура», которая включала в себя исследования, касающийся особенностей жизнедеятельности различных

народов, а также методы и способы изучения предшествующих стадий культуры.

Объектом исследования Э. Тайлора стала традиционная культура европейских народов в процессе понимания механизмов развития культур, проблемы первичности одних элементов общества и вторичности других. Но в основе проблематики его труда была поставлена религия в её развитии от самых простейших форм к современным сложным типам мировых религий. Тайлор уделял внимание генетической связи предшествующих стадий развития религии с мировыми. Свою главную задачу он видел в осмыслении процесса становления религии, в интеллектуальной реконструкции минимума религии, первичной её формы. Тайлор обращает внимание на такие качества человека как воображение и способность к фантазии, а также на умение размышлять и стремление к объяснению окружающего мира. Исследователь анализирует различные формы ранних верований. Кроме того, основной проблемой Тайлор считал взаимоотношение древнего человека с окружающим миром, которую он называл «философией природы и человека».

Основной идеей труда «Первобытная культура» является философия природы и человека. Его задача состоит не только и не столько в обосновании положения о первичности «анимизма», а в утверждении тезиса о том, что анимизм есть основа религии, объединяющая огромное количество разнообразных и непохожих друг на друга на первый взгляд верований: от простейших культов традиционных культур до сложнейших конструкций мировых религий современного ему общества. Анимизм для него родовой признак религии, позволяющий интегрировать самые разнообразные формы религии в единое логическое целое. Главная позиция данной философии – перенесение личностных качеств людей, существующих в процессе жизненных изменений, на неодушевлённый мир. Тайлор подчёркивает, что «это вовсе не случайное или гипотетическое действие человеческого ума неразрывно связано с тем первобытным умственным состоянием, когда человек в мельчайших подробностях окружающего мира видит проявление личной жизни и воли» [3, с. 120].

Важное место в умозаключениях Тайлора занимает аналогия древней истории и философии дикаря и особенностей деятельности ребёнка на разных стадиях его развития. Продолжая анализ содержания «философии природы», он сравнивает её с восприятием ребёнком (в цивилизованных странах) внешнего мира. «Первые существа, доступные пониманию детей, бывают существа человеческие и по преимуществу они сами. Первым объяснением всего происходящего кругом является, поэтому объяснение с человеческой точки зрения, как будто стулья, палки и деревянные лошадки приводятся в действие такой же личной волей, которая управляет действиями нянек, детей и котят» [3, с. 130].

Таким образом, исходя из рассуждений Тайлора, следовало, что одним из лучших оснований для исследования ранних стадий развития культур являются воспоминания о нашем собственном детстве, о том времени, когда «палки, стулья и игрушки были живыми» [3, с. 240], а в нашем сознании было место для философии, способной «оживотворять вещи». Эволюционистский подход к проблеме дает возможность осмысления того, что основа анимистических представлений, сказок, легенд т. п. есть ранние незрелые формы отражения внешней реальности, уступающие место в более развитых обществах и во взрослом состоянии более рациональному (научному), прагматичному взгляду на мир, позволяющий раскрыть религиозную идентичность человека, через восприятие культуры.

Следовательно, универсальность культуры обусловлена универсальной природой человека, а первая историческая форма, в которой актуализирует индивид свое истинное содержание, опыт и знания первоначально проявляется в процессе восприятия религиозного опыта, который отражается в религиозной идентичности человека. Французский философ интуитивист Анри Бергсон писал: «Мы находим в прошлом и могли бы найти даже и сегодня человеческие общества, у которых нет ни науки, ни искусства, ни философии. Но никогда не существовало общества без религии» [1, с. 12]. В основе таких мировоззренческих систем есть определенные моральные принципы. Средствами традиционной социо-нормативной культуры эти принципы регулируют общественные отношения. Взаимодействие систем ценностей этнических и религиозных взглядов приводит к модификации системы мироощущения и миропонимания этноса. Религиозные как ценностно-универсальные императивы только задают трансцендентное измерение этническим ценностям, возрождаясь в первичной онтологии и в то же время придавая этносу ориентацию на крайнюю реальность. В результате, создается ситуация, когда в границах социальной идентичности ее субуровни с одинаковыми ценностями при взаимодействии нивелируют идентичность.

Библиографический список

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
2. Кимилев Ю.А. Современная западная философия. – М., 1989. – 285 с.
3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
4. Форвард М. Религия /Пер. с англ. Н. Григорьевой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 311 с.
5. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетея, 2000. – 240 с.



VI. GEOGRAPHIC, SOCIAL, HISTORICAL, SPIRITUAL AND CULTURAL CONDITIONS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF ETHNIC CULTURE



НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. А. Булгакова

*Старший преподаватель,
аспирант,
Белгородский государственный
технологический университет
им. В. Г. Шухова,
г. Белгород, Россия*

Summary. This article focuses on the necessity of tolerance formation of foreign students. Training of foreign citizens in Russian universities is one of the main directions of international activity of Russian universities. Coming to Russia, foreign students get in new social conditions. The difference between life and education in native country and in Russia, creates problems related to the adaptation of students to stay in a foreign country. The tool for solution of this problem is the tolerance.

Keywords: tolerance; tolerance formation; foreign students; education in Russian Federation.

Тенденции развития высшего образования в России, ориентированного на открытое научнообразовательное пространство, обусловили интерес к проблеме привлечения иностранных граждан к обучению в российские вузы, который неуклонно растёт и приобретает особую актуальность. В современном высшем образовании развитие международной студенческой мобильности, международного сотрудничества определяет направления деятельности в области подготовки иностранных граждан для зарубежных стран.

Обучение иностранных граждан в вузах России – одно из основных направлений международной деятельности российских вузов, которое становится одним из существенных факторов стимулирования экономического роста страны и направлено на реализацию геополитических и социальных интересов, ибо определяет следующие моменты: полноценное и полноправное участие в процессе развития образования во всем мире; рост международного влияния через подготовку интеллектуальных национальных кадров для зарубежных стран; рост международного влияния через культуру и русский язык [5, с. 198].

Нельзя не заметить большой интерес других государств к российским образовательным программам, что подтверждается увеличением ко-

личества желающих обучаться на территории Российской Федерации. В связи с этим развивается и законодательная база, регламентирующая отношения между вузами России и иностранными гражданами, обучающимися на её территории. Так статья 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» разъясняет организацию получения образования иностранными гражданами в российских образовательных организациях [8].

Одними из важных целей государственной национальной политики Российской Федерации являются: гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений и успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов. Отсюда вытекает основной принцип государственной национальной политики – обеспечение интеграции в российское общество иностранных граждан [9].

Таким образом, на законодательный уровень выходит не только непосредственно получение иностранными студентами какого-либо образования на территории России, но и их адаптация к реалиям российской действительности, русской культуре и интеграция в российский социум.

Приезжая в Россию, иностранные студенты попадают в новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся опыт, полученный в родной стране, условия жизни и обучения в России являются для иностранного студента непривычными. Разница между жизнью и обучением в родной стране и в России порождает проблемы, связанные с адаптацией студентов к пребыванию в чужой стране. В обычных условиях обучения в родной стране на родном языке учащийся адаптирован к родной среде и легко справляется с проблемами взаимодействия со средой. Другая картина имеет место, когда учащийся находится в неродной среде: простые контакты оборачиваются для него проблемами, требуют значительных усилий [6]. Инструментом для решения этой проблемы может служить толерантность. Ее можно рассматривать в аспекте отношения к соответствующей действительности, воплощающееся в реальном поведении, а также, как способность разрешать проблемные ситуации без снижения адаптивных возможностей. Отсюда следует, что компетенция толерантности обеспечивает иностранному студенту адаптивность и жизнестойкость, контактность в межкультурной коммуникации, а также успешность в образовательной и профессиональной сферах [1].

Как отечественные исследователи (Асейкина Л. С., Баранова И. И., Белецкая Е. А., Дегтяренко В. В. и т. д.), так и зарубежные (Башар А. Х., Хамиди Э. и т. д.) в своих работах пытаются найти оптимальные пути формирования толерантного поведения у иностранных студентов.

Хамиди Э. предполагает, что формирование толерантности, как и любого другого качества личности, начинается в раннем детстве и продолжает развиваться в течение всей жизни человека; сфера образования имеет самое непосредственное отношение к развитию толерантности лич-

ности. Одним из важнейших условий воспитания всех видов толерантности является создание толерантной образовательной среды и подготовка педагогов к организации общения с учащимися на принципах толерантности. Для того, чтобы развитие толерантности иностранных студентов было более эффективным, необходимо создавать такие психолого-педагогические условия, которые будут подавлять негативные характеристики и усиливать положительные [10, с. 75].

Баранова И. И. в своем исследовании говорит о том, что внеаудиторная работа является одной из эффективных форм межнационального общения иностранных учащихся и способствует более успешной социально психологической адаптации и формированию толерантного сознания иностранных студентов [2, с. 40]. В качестве примера внеаудиторной работы Дегтяренко В. В. приводит «урок дружбы». Как социокультурное мероприятие данный вид деятельности развивает терпимость к чужой культуре, внешности, акценту, привычкам, религии и, конечно же, языку, постепенно формирует толерантность как составляющую межкультурного общения [7, с. 181].

Белецкая Е. А. и Демирхан С. считают, что специфика формирования толерантного поведения иностранных студентов определяется индивидуальными чертами темпераментов студентов в сочетании с системой нравственных ценностей, усвоенных ими [4, с. 147].

На ряду с множеством различных мнений о возможностях формирования толерантного поведения иностранных студентов некоторые исследователи (Асейкина Л. С., Башар А. Х.) сходятся во мнении, что формирование толерантности должно проходить через информированность о сущности феномена толерантности, через восприятие ценностных ориентаций в мотивах, оценках, отношениях, установках поведения, через критически-благожелательную позицию в равноправном диалоге и самостоятельное продуктивное решение проблем [1; 3].

Таким образом, исходя из нормативно-правовых актов и множества исследований на тему формирования толерантности можно сделать вывод: как на законодательном, так и на общенаучном уровнях признана важность и необходимость формирования толерантного поведения у иностранных студентов. Актуальность проблемы обусловлена тем, что положительное взаимодействие иностранных граждан с учебно-профессиональной образовательной средой и комфортное проживание на территории Российской Федерации невозможно без сформированного толерантного поведения иностранного студента. Успешное формирование толерантного поведения возможно только при совокупности различных видов деятельности: аудиторной и внеаудиторной работы, индивидуального и группового подхода, самостоятельного решения проблем и т. д.

Библиографический список

1. Асейкина, Л. С. Формирование толерантного поведения иностранных студентов на этапе профессионально направленной довузовской подготовки [Текст] / Л. С. Асейкина // Среднее профессиональное образование. – 2008. – № 3. – С. 43–44.
2. Баранова, И. И. Формирование толерантных отношений в образовательном пространстве вуза как необходимое условие межкультурной коммуникации [Текст] / И. И. Баранова, К. М. Чуваева // Русский язык в межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 30-летию кафедры практического русского языка ИвГУ им. Ф. Ф. Фархутдинова. – Иваново, 2012. – С. 38–42.
3. Башар, А. Х. Проблема воспитания культуры толерантности иностранных студентов международного туризма в вузе / А. Х. Башар // Вестник Воронежского гос. техн. унта. – 2013. – Т. 9, № 5. – С. 160–163.
4. Белецкая, Е. А. Специфика формирования толерантности в студенческой среде к представителям разных национальностей в образовательном пространстве вуза / Е. А. Белецкая, С. Демирхан // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – Вып. 28. – С. 146–149.
5. Бондарь Е.А., Адаптационная готовность иностранных граждан к обучению в вузе [Текст] / Бондарь Е.А. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. - № 7 (228). – С. 198 – 202
6. Выявление проблем иностранных студентов в процессе их адаптации в образовательной среде российского вуза [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://refleader.ru/jgeujgbewyfsaty.html>. – (16.02.2017).
7. Дегтяренко, В. В. Внеаудиторная работа с иностранными студентами: воспитание толерантности [Текст] / В. В. Дегтяренко // Проблемы качества обучения зарубежных граждан в медицинских ВУЗах : IV Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. – Волгоград, 2012. – С. 181–182.
8. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 31 дек.
9. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
10. Хамиди, Э. Проблема формирования толерантности в процессе обучения иностранных студентов [Текст] / Э. Хамиди // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2014. – № 4. – С. 75–79.

ЖЕНСКИЙ ТРУД В ШЕРСТЕОБРАБАТЫВАЮЩЕМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере Дагестана)

О. С. Мутиева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Дагестанский государственный
университет народного хозяйства,
г. Махачкала, Республика Дагестан,
Россия*

Summary. This article discusses the issues related to the influence of capitalism to the sphere of women's work in the production of cloth. Under the influence of capitalist relations, traditional women's crafts in the production of cloth has undergone significant changes, the criterion of which was the marketability. Suknodelie, as a sphere of female labor, had once been an important tool in the economy of the Highlander, was completely at the mercy of buyers, who began to play the role of employers, and women - masters of labour approached the position of a hired worker.

Keywords: Dagestan; woman; cloth; capitalist relations; buyers; trade.

Окончание Кавказской войны, и последовавшие за этим буржуазные реформы, ускорили хозяйственное освоение Северного Кавказа, и в частности Дагестана. Царские власти с большим энтузиазмом стали осваивать этот регион, вкладывая большие финансы в разные отрасли хозяйства. Учитывая геополитическое положение региона, наличие важных торговых путей, через Черное и Каспийское моря, особенно большие перспективы открывались для русских предпринимателей и купцов, которые вкладывали свои капиталы в производство.

В частности, шерстеобрабатывающее производство (изготовление сукна), которое имело очень древние традиции, давало возможность предпринимателям очень быстро обогатиться.

Центрами сукноделия были такие центры ремесла, как Кубачи, Акуша, Балхар, Карата, целого ряда других селений аварцев, даргинцев и лакцев. Сукноделие являлось широко распространенным промыслом, и преимущественно сферой женского труда.

О высококачественном сукне, изготовленным мастерицами Дагестана и имевшие широкий спрос на Кавказе, в России и за их пределами, упоминается многие авторы [1. с. 203–204; 4. с. 283; 6. с. 198; 7. с. 59]. Больше всего сукна производилось в Даргинском, Аварском и Казикумухском округах. Качественные сукна вырабатывались также у народов Южного Дагестана и в Кумыкии. Сам процесс труда был ручным, где мастерицы использовали изжившие себя приемы техники, примитивные орудия труда.

С проникновением капиталистических отношений в Дагестан, заметные изменения происходят и в сфере шерстеобрабатывающего производ-

ства. Предприниматели открывали в аулах небольшие производства (цеха), ориентированные на рынок, куда нанимали местных женщин-мастериц, в качестве наемных работниц. Труд женщин-наемниц был крайне тяжелым и низкооплачиваемым.

Между тем, качественного изменения процесса труда не происходило, технология производства и орудия оставались прежними. Объяснялось это тем, что владельцы цехов не вкладывали достаточные денежные средства в развитие производства, экономя на технологиях труда и заработной плате.

Со временем, важную роль между производителями и потребителями продукции стали играть скупщики товара, торговые посредники между ремесленником и рынком. Появление в Дагестане скупщиков относится ко второй половине XIX в., а играли они весьма важную роль до начала XX в. Скупщик, являясь представителем купеческого капитала, не только занимался скупкой изделий у ремесленников и их продажей, но и обеспечивал производителей сырьем для производства и орудиями труда. Приезжая в аулы, скупщик распределяли заказы женщинам-мастерицам, нередко в долг, под будущие изделия, а затем готовые изделия скупал у них же за бесценок для дальнейшей реализации. Таким образом, женщины-мастерицы из самостоятельных производителей превратились в наемных исполнителей заказа скупщика. Естественно, такое положение дел сказывалось и на благосостояние семьи горца, которая остро ощущала нехватку денежных средств, но вынуждена была мириться с такими кабальными условиями, не имея другой возможности заработать.

Между тем, скупщики-оптовики заметно преуспели, скупая изделия у мастериц на местах для последующей перепродажи. Так, например, только за 70-е годы из сел. Анди, Гагатль, Риквани, Ансалта, Шодрода, и Инхо Андийского округа ежегодно вывозилось до 8 тыс. бурок, а к концу 80-х годов производство бурок и других изделий из войлока возросло до 61300 единиц [5, с. 17]. Судя по источникам, такая тенденция имела место и в начале XX в. По данным Е. И. Козубского, на начало XX в. андийцы производили в год 30800 бурок, ботлихцы, тасуда-шодродинцы по 800, тандовцы – 80 бурок [2, с. 25; 3, с. 122].

Таким образом, под влиянием капиталистических отношений, традиционные женские промыслы по производству сукна претерпели значительные изменения, критерием которого стала товарность.

Сукноделие, как сфера женского труда, некогда бывшее важным подспорьем в хозяйстве горца, оказалось полностью во власти скупщиков, которые отрезали производителей и от рынка сбыта, и от рынка сырья. Женщины - мастерицы по условиям труда приблизились к положению наемных рабочих, вынужденных работать за бесценок.

Библиографический список

1. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. – С. 200–206.
2. Козубский Е.И. Очерк кустарной промышленности Дагестанской области // Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. – С. 75-79.
3. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. – 745 с.
4. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. – 288 с.
5. Обзор Дагестанской области за 1889 г. Темир – Хан – Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1900. – 165 с.
6. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. – С. 138-156
7. Шиллинг Е.М. Дагестанская экспедиция 1946 г. // КСИЭ. М., 1948. Вып. 4. – С. 31- 40.



VII. ROLE OF CULTURE IN FORMATION OF ETHNIC IDENTITY



ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА ПОСРЕДСТВОМ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В РАМКАХ КЛУБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. М. Воробьева

*Магистрант,
Тамбовский государственный
музыкально-педагогический институт
им. С. В. Рахманинова,
г. Тамбов, Россия*

Summary. The article refers to the socialization of adolescents in a club institution by rites of the life cycle. The allocated pedagogical conditions conducive to the effective implementation of this process.

Keywords: socialization of a teenager; life cycle rituals; tradition; activities of the club.

Современное общество практически полностью находится под воздействием процесса модернизации, который, так или иначе, затрагивает все сферы развития социума. Результатом такого воздействия становится переосмысление ценностей современного человека, а также средств, задач, путей формирования гражданского общества и отдельно взятой личности. Зачастую современные подходы практически исключают из образовательного процесса и культурной жизни целые пласты народного творчества, на которых строилось этнокультурное воспитание многих поколений.

Социализация личности современного подростка посредством традиционных обрядов жизненного цикла на наш взгляд наиболее эффективно будет осуществляться в рамках деятельности любительских объединений и клубов по интересам. Клубная деятельность позволяет неформально общаться, находить общие интересы у подростков [1].

Об организации клубов и их воспитательном значении пишут многие авторы (Ж. Г. Атаянц, Л. Л. Белая, Б. А. Грушин, Т. А. Кудрина, И. А. Новикова, В. В. Полукаров и др.) Все они подчеркивают социально-педагогическую значимость клубной деятельности, считая ее не только подготовкой к взрослой жизни, но и самой жизнью.

Клубная деятельность реализует одну из главных потребностей подростка – потребность в общении. В условиях клубов общение выступает в самых разнообразных организационно-методических формах: свободное культурно-воспитывающее и развлекательно-игровое общение. Последнее

обладает некоторыми специфическими, даже уникальными чертами. Прежде всего ему свойственен особый демократизм, неофициальность, легкость установления межличностных связей. Подросток, включившись в игру, быстро обретает столь необходимые для полноценного общения и отдыха раскованность, свободу, непосредственность [2; 4]. Игровые контакты снимают застенчивость, замкнутость, излишнюю официальность, и другие качества, нередко мешающие закреплению дружеских отношений.

Таким образом, клубную деятельность можно рассматривать как универсальную модель для переноса опыта народной культуры на реальную жизнь.

С целью выявления эффективности социализации современного подростка посредством традиционных обрядов жизненного цикла в рамках клубной деятельности была проведена опытно-экспериментальная работа. Базой исследования стал клуб «Разноцветье» филиала МАУК «Тамбовский районный Дом культуры» в с. Покрово-Пригородное.

Исходя из задач исследования, на этапе опытно-экспериментальной работы осуществлялся процесс приобщения подростков к народной культуре и получения знаний об обрядах жизненного цикла через создание в клубе «Разноцветье» отдельных направлений: «Народные праздники и традиции», «Быт и культура дома» и «Обряды жизненного цикла».

На начальном этапе исследования был проведен констатирующий эксперимент с целью выяснения степени осведомленности подростков в области народных обычаев и традиций.

В исследовании приняли участие 50 подростков от 11 до 16 лет. Результаты опроса показали, что в целом подростки имеют общее представление о народных традициях и обычаях, в частности своего села. В селе традиционно празднуются «Новый год», «Рождество», «Масленица», «Иван-Купала», «День Покрова» и т.д. Некоторые подростки даже знакомы с народными играми «Лапта», «Горелки», но пользуются в играх в основном современными считалками.

В то же время опрос показал, что подростки практически не знакомы с обычаями и традициями нравственного содержания (обычай просить прощения, гостеприимства, нормы поведения в быту, труде, на праздниках, таких как рождение и крещение ребенка, проводы в армию, свадьба).

Так же удалось установить, что более половины подростков желали бы принять участие в деятельности клуба, что особенно важно, каждый попытался найти дело, которому хотел бы поучиться: играть в народные игры, инсценировать сказки, участвовать в различных праздниках и конкурсах, вышивать, резать по дереву. Примерно половина подростков написали, что хотели бы подробнее узнать об обычаях и традициях.

Большое внимание при составлении программы и сценариев было обращено на отбор содержания. В контексте клубной деятельности и процесса социализации при отборе содержания учитывались несколько поло-

жений, а именно: простота и выразительность этнографического материала, близость обычаев, традиций и праздников опыту подростка [3].

Ядро программы клуба «Народные праздники и традиционные обряды жизненного цикла» составили народные обычаи, заложенные в крестьянском календаре месяцеслове (устный календарь, существовавший на Руси с незапамятных времен). В соответствии с годовым циклом постоянно воспроизводится многообразие ритмов крестьянских работ и крестьянского досуга. Необходимость разрядки вписана в годовой ритм, перемежающий труд и отдых, будни и праздники, такие как рождение, крещение, свадьба, проводы в армию, похороны [2].

Особую актуальность в экспериментальных программах клуба «Разноцветье» имели практические методы познания и воспитания. Они сочетали в себе выполнение подростками конкретных заданий с взрослыми членами клуба, а также участие в праздниках, открытых заседаниях клуба, различных играх и развлечениях.

Нередко выбранные методы являлись воспитывающими ситуациями, так как устраняли в общении скованность и принужденность, способствовали росту самостоятельности, активности, инициативы, создавали условия для проявления индивидуальных интересов, склонностей и способностей. Игровые методы не только обогащали подростков знаниями о народной культуре, но и содействовали косвенному переносу опыта народной культуры на их реальную жизнь, то есть способствовали процессу социализации.

Эффективность и результативность клубной работы зависит также от того, кто является организатором и вдохновителем этой деятельности. Функцию организатора в опытно-экспериментальной работе брали на себя руководители и работники Дома культуры. Позднее они находили себе помощников среди родителей, общественности. Так, например, многие встречи клуба были выездными и проходили в музее с. П.-Пригородное.

Участники встреч смогли напрямую познакомиться с обычаями и традициями сельского дома (его строение, дворовые постройки, убранство, хозяйственная утварь, приготовление пищи, домашние ремесла: вышивание, вязание, резьба по дереву, прядение, ткачество, столярные работы и т. д.) и сельской семьи (обычаи, порядки, нормы поведения в быту). При этом опыт народной культуры в буквальном смысле передавался «из уст в уста» и оседал в реальной жизни подростков. Опыт работы клуба показал, что организаторами таких форм деятельности могут в дальнейшем выступать и сами подростки.

Работа клуба принесла ощутимые результаты в решении задач социализации личности подростков. Включенное наблюдение показало, что активность подростков возросла примерно в два раза. Подростки, которые раньше не занимались творческой деятельностью, не участвовали в клубных объединениях, стали активно интересоваться различными видами ху-

дожественной деятельности, организовывать праздники для детей младшего возраста.

Увеличилось число родителей принимающих участие в мероприятиях клуба. Больше их число принимает участие в воспитании, помогает в достижении детьми успехов, трудится вместе с ними. Изучение обычаев и традиций своих предков помогало подросткам посмотреть на себя как бы со стороны, вызывало желание лучше познать самих себя, попытаться сравнить себя с теми, кто жил раньше. Укреплялось положение подростка в коллективе, так как активность его в клубной деятельности позволяла занимать ему новый статус, часто отличный от того, который он имел как ученик. Резко уменьшилось отрицательное влияние сверстников, так как появились более значимые положительные интересы.

В результате опытно-экспериментальной работы в клубах, мы пришли к выводу, что эта деятельность будет эффективнее способствовать процессу социализации при соблюдении ряда педагогических условий:

- клубная деятельность должна строиться на основе принципа добровольности;
- необходимо стремиться систематически, повышать культуру подростков, обучать их организации клубной деятельности, культуре общения;
- организаторы должны стремиться обогатить внутриколлективные и межличностные отношения за счет использования средств народной культуры;
- необходимо использовать в работе лучшие образцы народной культуры, объясняя, почему устарели те или иные традиции;
- содержание клубных встреч должно быть максимально приближено к местному социуму, как в плане взаимоотношения его субъектов, так и в материально-техническом;
- очень важно в процессе работы постоянно отслеживать результаты, наблюдать степень переноса опыта народной культуры на реальную жизнь;
- организаторы должны стремиться к обеспечению постоянной возможности для индивидуальной и групповой деятельности подростков, способствующей формированию умений и навыков в правильном поведении, в активности, проявлении индивидуальности и творчества;
- учить подростка видеть свои успехи и постоянно поощрять его к продвижению.

Библиографический список

1. Антонова А. В. Организация клубной работы как актуальное направление деятельности образовательной организации по развитию психолого-педагогической культуры родителей // Концепт. – 2014. - №5.
2. Волков Ю. Социология [Электронный ресурс] Природа и воспитание, жизненный цикл. – Режим доступа: http://gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/03.php
3. Гуров В. Н. Социальная педагогика в действии. – Ставрополь, 1994. – 49 с.

4. Юдина А.И. Педагогика социализации подростков в трудной жизненной ситуации: социально-культурный подход: монография. – Кемерово: КемГИК, 2013. – 208 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОСЕТИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И. М. Хадикова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ,
Республика Северная Осетия-Алания,
Россия*

Summary. The urgency of research of ethnic identity is due to various factors. Awareness of their own belonging to one group or another has always been a prerequisite for successful self-development. In modern society, the ethnic group and the realization of ethnic identity played an enormous role in personality development. Ethnic identity – is the result of awareness of himself as a representative of the ethnos, a certain degree of identification with the representatives of the ethnic group.

Keywords: ethnicity; ethnic identity; ethnic stereotypes; ethnonihilism; multiethnic environment; mono-ethnic environment tolerant behavior

Современная отечественная этнопсихология рассматривает этническую идентичность как осознание собственной принадлежности к определенной этнической общности

По мнению Т. Г. Стефаненко, этническую идентичность можно считать составной частью социальной идентичности личности и определить как психологическую категорию, относящуюся к осознанию человеком собственной принадлежности к тому или иному этносу [4]. Этническая идентичность включает в себя три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий.

Когнитивный компонент – это знание этнодифференцирующих признаков, позволяющих конструировать у индивида представление об этносе и о своем соответствии этому этносу. Четкое представление этнодифференцирующих признаков дает возможность более тесно ощутить связь со своим народом.

Аффективный компонент этнической идентичности входит в структуру общего самоотношения личности и включает в себя 1) оценку собственной этнической группы, 2) своего членства в ней и 3) статусность группы относительно других этнических групп.

Поведенческий компонент этнической идентичности представляет собой реальный механизм поведения в различных ситуациях внутригруп-

пового и межгруппового взаимодействия. Как показывают исследования, человек может причислять себя к этнической общности на когнитивном и аффективном уровнях, но при этом не проявлять специфических для своего этноса моделей поведения [6].

Актуальность исследований этнической идентичности обусловлена различными факторами. Одной из основных причин исследования данного феномена можно назвать межэтнические конфликты, которые в последнее время не только происходят чаще, но и носят более серьезный характер. Так, нередкими становятся случаи убийств на межнациональной почве, а количество молодежных экстремистских организаций, несмотря на запреты, постоянно увеличивается.

В психологии проведено множество исследований этнической идентичности: выделены стадии её формирования (В. Ю. Хотинец, Т. Г. Стефаненко, О. Л. Романова и др.); выявлены условия её формирования и развития (К. А. Тимошенко, О. В. Чернова и другие); описана её структура и типы (Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко и другие) [3, с. 57]. Большое внимание в современных исследованиях уделяется изучению этнической идентичности людей подросткового и юношеского возраста. Юношеский возраст является временем активного формирования этнических установок, этнической идентичности [1; 2]. Осознание собственной принадлежности к той или иной группе всегда являлось условием успешного саморазвития. В современном обществе этническая группа и осознание этнической идентичности играют огромную роль в развитии личности [1]. Наше внимание особенно привлекли позитивная этническая идентичность, формирующаяся в результате процессов социализации и социальной адаптации молодежи Северной Осетии. Условием благополучия межнациональных, межэтнических взаимоотношений является толерантное поведение, в его основе находится позитивная этническая идентичность.

Позитивная этническая идентичность принимается как «норма». Отклонения от «нормы» могут происходить по типу, например, этнической индифферентности, гиподентичности (этнонигилизм) [4]. Люди с этнической индифферентностью характеризуются как практически равнодушные к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов. Они независимы от норм и традиций собственной этнической группы, и на их жизненные поступки и поведение в любых сферах деятельности не влияют не только этническая идентичность других, но даже их собственная этническая принадлежность [5]. Этнонигилизм обычно проявляется в форме космополитизма и представляет собой отрицание этничности, этнокультурных ценностей. Этнонигилистические тенденции также отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним и в трудностях в общении. Г. У. Солдатова

выделяет еще три типа этнической идентичности: этноизоляционизм, этноэгоизм и этнофанатизм. Все эти типы можно назвать деструктивными. Данные типы этнической идентичности характеризует убежденность в превосходстве над другими этническими группами. Этноизоляционизм может проявляться в негативном отношении к брачным межнациональным союзам, ксенофобии; этнофанатизм, ставящий интересы «своего» народа выше прав индивида, – в различных формах этнической нетерпимости, вплоть до этнических «чисток»; а этноэгоизм как наиболее лояльная форма может выражаться лишь в демонстрации превосходства собственного этноса лишь на вербальном уровне, но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за «чужой» счет [3, с. 91].

Итак, в исследовании мы исходим из следующих положений. Этническая идентичность – это результат осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с представителями этнической группы [6].

Этническая идентичность наиболее интенсивно формируется и развивается в подростковом и юношеском возрасте. Также нужно отметить, что существуют различные типы этнической идентичности [1]. В эмпирической части исследования мы попытались выявить факторы, влияющие на формирование позитивной этнической идентичности (их выраженностью и доминированием какого-либо из них) современной осетинской молодежи.

В исследовании приняли участие 37 человек, осетинской национальности, в возрасте 16–20 лет, проживающие в г. Владикавказ. Были использованы следующие методы и методики: методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой; групповые беседы с респондентами; специально разработанная анкета, включающая вопросы о национальности респондентов, об опыте их общения с другими этническими группами, о наличии стереотипных установок в отношении других этносов и прочие. Всем респондентам предлагалось заполнить бланк, содержащий 20 вопросов методики. После заполнения бланка с ними проводилась беседа. Стоит отметить, что все респонденты определили свою этническую принадлежность как представителей осетинского этноса. При ответе на вопрос «Почему вы так считаете?» были выявлены все три компонента формирования этнической идентичности: когнитивный, аффективный и поведенческий. Все они считают, что хорошо знают традиции и обычаи и культуру своего народа, большинство свободно владеют осетинским языком (когнитивный компонент); используют в поведении, в общении не только в традиционном, но и в поликультурном общении (поведенческий компонент); но, в первую очередь респонденты обращали внимание на эмоционально-ценностные аспекты: патриотизм, собственное отношение к

этнической группе, к обычаям и традициям, как к ценности, достижениям этноса (аффективный компонент).

При проведении исследования были получены следующие результаты, определяющие доминирующие типы этнической идентичности: этнонигилизм 8,82 %; этническая индифферентность 19,64 %; позитивная этническая идентичность 76,65 %; этноэгоизм 22,36 %; этноизоляционизм 6,18 %; этнофанатизм 25,88 %.

Полученные результаты показали, что абсолютное большинство респондентов проявили высокий интерес к проблемам этнической идентичности, а уровень толерантного отношения к представителям других этнических групп заметно возрос. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы психологами и педагогами при работе по формированию этнической идентичности. В частности, может быть разработана программа, которая может включать как ознакомление наряду с усвоением ценностей своего этноса, культурной и жизни и других народов. Оценить эффективность проделанной работы помогли анкеты, которые были предложены участникам в ходе исследования.

Можно говорить о том, что осетинской молодежи, свойственен позитивный тип этнической идентичности. Им свойственно естественно предпочтению собственных этнокультурных ценностей, сохранение традиций собственного этноса, что и выражается в типе этнической идентичности [5]. Но при этом у них проявляется высокий интерес к другим этническими группами, и это, по их мнению, позволяет им более глубоко познавать собственную этничность, которая и формирует, в конечном итоге, позитивную этническую идентичность. Толерантное поведение, в свою очередь, способствует формированию позитивного типа этнической идентичности.

Таким образом, необходима специальная программа, способствующая расширению этнических представлений молодежи и влияющей на формирование их этнического самосознания и позитивной этнической идентичности, а также готовности к толерантному межкультурному взаимодействию.

Библиографический список

1. Гогицаева О.У. Формирование этнической идентичности: теоретический аспект // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 7. С. 215-219.
2. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
4. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. - М., 2007. - 367 с.
5. Хадикова И.М к вопросу об этнической идентичности // Актуальные проблемы современной педагогики и психологии // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2013. С. 327-331.

6. Хадикова И.М. Психологические компоненты формирования позитивной этнической идентичности личности // Современное научное знание: теория, методология, практика Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. ООО «Новаленсо». 2016. С. 95-96.



VIII.FOLK ART AS A SOURCE OF DEVELOPMENT OF THE NATIONAL CULTURE



РУССКОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

О. Б. Воробьева

*Кандидат философских наук, доцент,
Самарский государственный
университет путей сообщения,
г. Самара, Россия*

Summary. The original system of artistic crafts in Russia were formed under the influence of the heritage of the art of ancient Greece and Byzantium. In medieval Russia perfection seeking jewelry making, art design books, gold facial and sewing.

Keywords: medieval Rus; handmade arts; jewelry making; sewing; decorative arts.

В основу всего русского ремесленного искусства: ювелирного дела, эмали,ковки, чернения, гравировки по металлу, филигрании, гончарного дела, резьбы по дереву и камню, оружия, стеклоделия, шитья – легли установленные в искусстве древней Греции и перенятые Византийской культурой многие тематические сюжеты, материалы и технологии их использования.

В быту русского человека практически все предметы домашнего обихода несут на себе узоры. Стасов В.В. пишет: «Народилось настоящее, не призрачное народное искусство, лишь там, где и лампа соя изящна, и комната, и стакан, и ложка, и чашка, и стол, и шкаф, и печка, и шандал, и так до последнего предмета... Где нет потребности в том, чтобы художественны были мелкие общежитские предметы, там и искусство растет еще на песке, не пустило еще настоящих корней» [3, с. 18].

В средневековье на Руси деревенские мастера добились расцвета ювелирного дела. Оно своим началом обязано крестьянскому быту и, как не удивительно, первыми ювелирами были женщины, занимающиеся литьем по восковой модели. В X веке литье из бронзы и серебра перестало быть женским делом и перешло к мужчинам – мастерам кузнечного дела. Ювелирная работа ими усложнилась: отлитые изделия украшались чеканным и гравированным узорами, а само ювелирное искусство перешло из деревни в города.

В Русском музее Санкт-Петербурга находятся серебряные серьги клада XI–XII веков, найденного в Туле. «К кольцу с полукруглым щитком припаяны шесть серебряных конусов с шариками. На каждый конус напаяно пять тысяч крохотных колечек диаметром 0,06 см – из проволоки

0,02 см толщиной. Колечки служат основой для зернышек серебра диаметром 0,04 см. Каждое зерно этих серег светилось при малейшем повороте головы носившей их женщины. Только специальная микрофотосъемка позволила установить такие размеры и доказать кропотливую, сложнейшую работу мастера» [2, с. 21]. Такие серьги – образцы искусства малых форм, процветавшего в древней Греции, и пример наследия античности на Руси. К сожалению, искусство малых форм на Руси со временем было утрачено.

Женское художественное творчество реализовалось в шитье. Оно оформлялось в боярских вышивальных светлицах, при княжеских дворах и, конечно же, в монастырях. Материалами для шитья служили разноцветные шелка, золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни: сапфиры, рубины, изумруды, бирюза.

Золотое и лицевое шитье пришло на Русь вместе с православием из Византии. Золотые нити делались из расплющенного золота, нарезанного тончайшими полосками. Золотое шитье использовалась и для одежды, и для храмового искусства: икон, плащаниц, хоругвей.

Лицевое шитье использовалось в оформлении христианского культа: для одежды священнослужителей, в покрывалах для алтарных престолов, завес для царских врат, подвесных пелен под иконы. Рукоделие для декоративного убранства храмов пользовалось уважением со стороны Афона, а также Франции, где его называли «русским шелком».

Несколько видов искусства переплелись в украшениях книг. Книгу украшали так, что она сама становилась драгоценностью и предметом роскоши, и предназначалась для храмов, монастырей и богатых заказчиков. Над орнаментом книги работал художник – златописец, а златокузнец изготавливал переплеты-оклады, окованные серебром и кружевом филигрании, драгоценными камнями и золотом, по которым эмальер накладывал изображения по эмали. Рукописная книга оформлялась декоративным искусством: орнамент на полях, инициалы, украшения текста маленькими и на целую страницу картинами. Искусство оформления книги в средневековье достигло совершенства.

В Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург) хранится «Остромирово евангелие» автора дьякона Григория. В миниатюрах этой книги, изображающих евангелистов, видны черты софийских мозаик, болгарской монументальной живописи и миниатюры. «Именно болгары во многом служили для русского народа проводниками византийской культуры» [1, с. 84]. Фигуры обведены золотом и помещены в золотую рамку со сложным орнаментом ювелирной работы. Заглавные буквы несут золотые контуры, на них положен растительный мотив, переходящий в изображения людей и зверей.

Таким образом, весь быт русского человека пронизан художественным творчеством, что указывает на стремление обставить свою жизнь рукотворной красотой.

Библиографический список

1. Воробьева О.Б. К вопросу о христианской культуре средневековой Болгарии // Новината за напреднали наука - 2015. - София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2015. - Т.13. - С. 82-84.
2. Воробьева О.Б. Художественные ремесла средневековой Руси // Наука и культура России. – Самара, 2013. Т.1.С.20-22.
3. Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. – М.: Просвещение, 2000. – 336 с.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ АЗБУК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И. В. Зеленкова

*Кандидат психологических наук, доцент,
Государственный социально-
гуманитарный университет,
г. Коломна, Московская область, Россия*

Т. В. Зеленкова

*Студент,
Высшая школа печати
и медиаиндустрии,
Московский политехнический
университет, г. Москва, Россия*

Summary. In article of feature of the ABC-book as educational book are revealed. Role of a book illustration in development of the child of preschool and younger school age is defined. Authors analyze maintenance and decorating of the ABC-books created at the different moments of the Russian history. In article examples are given successful decorating of modern books for elementary education to reading.

Keywords: decorating of the books; book illustration; iconic text; preschool and primary school children; ABC-book.

Книга – это совершенно особое явление в истории человечества, в мировой культуре. Пройдя путь от глиняных табличек до электронного документа, она всё время менялась, эволюционировала. Книга является отражением своей эпохи и, в то же время, она оказывает несомненное влияние на развитие культуры и цивилизации. Как культурный феномен она присутствует в жизни практически любого человека. Одной из первых книг, с которой мы встречаемся ещё в детстве, является азбука.

Букварь (азбука) – книга для первоначального обучения грамоте. Азбука и букварь выполняют общие функции, но структура и содержание учебного материала в них несколько отличаются. Учебное содержание азбуки строится по принципу смыслового акцента на буквенном значении

знаков, обозначающих звуки речи. Изучение алфавита по букварю сочетается с фиксацией навыков слогового чтения, а также написания отдельных букв и простых по составу слов.

Целевой аудиторией этой учебной книги являются дети дошкольного и младшего школьного возраста, но «неотъемлемой частью» читателей является и взрослый – педагог, родитель. Именно он должен помочь детям не только познакомиться с миром букв, но и грамотно прочесть визуальное послание книжной иллюстрации.

Ребенок достаточно рано начинает интересоваться картинками в книжке. Иллюстрация как особый вид изображения не просто размещается в книге, но участвует в процессе восприятия произведения, образуя определенное единство с текстом, что очень важно на этапе обучения чтению.

Изобразительный ряд воспринимается ребенком как нечто цельное легче и быстрее, чем слова, поэтому в азбуке восприятие вербального текста идет с опорой на изображение. Иллюстрация в детской книге обладает еще одной, важной для ребенка особенностью: для нее характерна временная и пространственная компактность. Если реальное поведение постоянно изменяется, то рисунок – это «запечатленное движение», он неизменен, и ребенок может многократно к нему возвращаться, учиться сосредотачивать внимание и удерживать его на одном предмете в течение длительного времени. Грамотно организованное взрослым рассматривание книжных иллюстраций важно не только для понимания содержания книги, оно создает предпосылки для успешного решения самых разноплановых задач [2].

Сейчас выпускается большое количество самых разнообразных азбук и букварей. Но всегда ли книга для первоначального обучения грамоте выглядела подобным образом? Интересно проследить, как со временем менялись содержание и внешний вид этой книги в нашей стране.

Первоначально под азбукой понимали алфавит. Различные виды записанных азбук существовали на Руси уже с IX века. Постепенно их содержание расширялось, и в XVI в. азбука уже выделилась в отдельный раздел грамматики.

Самый же первый печатный букварь был издан в 1574 году во Львове Иваном Фёдоровым. Основу его составляют собственно алфавит и правила грамматики. Эта книга практически лишена каких-либо иллюстраций. Текстовая составляющая здесь играет главную роль. И это неудивительно, так как в те времена использовался буквослагательный метод, и были довольно сложные правила грамматики. Некоторые страницы букваря украшены характерными для изданий Ивана Федорова заставками в виде орнаментов из сплетающихся листьев, бутонов, цветов и шишек [3]. Для своего букваря И. Фёдоров тщательно подбирал материал: книга содержит молитвы, отрывки из притч Соломона, послания апостола Павла, несущие воспитательную функцию, дающие советы учителям и ученикам. Это произведение явилось для средневековой Руси новаторством.



Рис. 1. Страницы букварей а) И. Федорова (1574 г.); б) К. Истомина (1694 г.)

Достаточно долгое время буквари создавались по образцу «фёдоровского». Однако постепенно пришло осознание того, что книга должна быть привлекательна для ребёнка, в том числе и с художественной точки зрения. Появляется концепция азбуки как «учения через развлечение».

На пороге XVIII века, в 1694 году в Московском Печатном Дворе тиражом 106 экземпляров был издан Букварь Кариона Истомина. Это новый учебник, который вслед за чешским педагогом Яном Амосом Коменским использует принцип наглядности обучения и является предтечей развития просвещения в XVIII веке.

Букварь имеет 44 листа и открывается фронтисписом, на котором дан текст в фигурной рамке, поясняющий содержание и назначение книги. Наверху изображен Христос, обучающий детей. В руках у детей свитки с названиями наук: астрономия, риторика, философия, грамматика, геометрия. Внизу – посвящение в стихах, где упоминается имя составителя и дата выхода букваря в свет.

Букварь К. Истомина и по содержанию, и по структуре отличается от всех известных предыдущих букварей. Каждой букве отведена отдельная страница. Сначала вниманию читателя предлагается фигурный инициал (заглавная буква) в виде одной или двух человеческих фигур в разнообразных позах и костюмах, часто в рыцарской одежде, в шлемах и латах. Затем следуют образцы печатного и строчного написания буквы. Вторая строка отведена скорописным знакам. Целая строка посвящается изображению греческих и латинских букв с их названиями, т.е. сделана попытка одновременного постижения алфавита славянского, греческого и латинского. Центральную часть страницы занимают изображения людей, предметов быта, животных, растений, названия которых начинаются с данной буквы. Подобные приемы только через сто с лишним лет, в XIX веке, были использованы в русских букварях [1].

Букварь К. Истомина можно считать своеобразной детской энциклопедией, так как тексты книг вместе с иллюстрациями, помимо обучения чтению, расширяли кругозор учащихся.

Понимание просветительских возможностей книги, её гуманистической направленности ярко отражено в азбуке Александра Бенуа, впервые изданной в 1904 году в Петербурге Экспедицией Заготовления Государственных Бумаг. Эта книга не содержит текста (только отдельные слова), но её глубокое содержание раскрывается автором в доступной для детей игровой форме, в иллюстрациях. Истории, открывающиеся на страницах азбуки Александра Бенуа, – это не просто увлекательные картинки, иллюстрирующие буквы, а целый мир, показанный глазами ребёнка. Здесь множество сюжетов и деталей, интересных и понятных человеку любого возраста, но, в первую очередь, детям: сцены счастливого детства в любимом доме, сказочные мотивы, легенды, игры и развлечения. Дети становятся главными героями в этой азбуке. Но следует отметить также, что эта книга создана «на вырост». В ней заложен глубокий символический смысл, каждая иллюстрация содержит в себе воспитательный, образовательный, просветительский контекст, познать который ребёнку может помочь взрослый человек. Своей азбукой Александр Бенуа положил начало новому направлению книгоиздания – детским иллюстрированным книгам [4].

Однако не всегда создатели азбук ориентировались на общечеловеческие, гуманистические ценности при создании детской книги. Порой идеологические ориентиры становились более значимыми, и тогда азбука приобретала совсем иное «звучание». Примером тому может служить «Антирелигиозная азбука», выпущенная Утильбюро Изогиза в Ленинграде в 1933 году. В это время страна активно развивалась и изменялась. В своём стремлении вперёд, «к светлому будущему», строители коммунизма активно избавлялись от всего старого, «отжившего», того, что мешало прогрессу, тормозило его. Одной из главных задач стало формирование новой идеологии, смыслом которой был отказ от традиций прошлого и, в первую очередь, от религии. В данном вопросе большое внимание уделялось работе с детьми, воспитанию их в духе коммунизма и атеизма.

«Антирелигиозная азбука» была проиллюстрирована Михаилом Черемных в духе плакатов «Окон РОСТА». Каждая иллюстрация сопровождается хлёсткими сатирическими двустишиями, в которых каждое слово начиналось с изучаемой буквы: «Глас господень господам годен», «Елееле епископы ели», «Хвалятся Христом, хозяйничают хлыстом». Сатирой пронизаны и сами иллюстрации: священнослужители, атрибуты религии и верующие люди представлены в гротескном, непривлекательном виде, вызывающем смех. Использованный приём высмеивания очень эффективен с педагогической точки зрения. Он действует на ребёнка намного сильнее, чем безапелляционный запрет. Для своего времени эта азбука была очень актуальной и хорошо решала поставленные перед ней задачи.



Рис. 2. Страницы азбук а) «Азбука» А. Бенуа (1904 г.);
б) Антирелигиозная азбука (1933 г.)

Однако не всегда произведения, даже детские, отвечают требованиям времени. Так случилось и с «Рабочей азбукой» Иосифа Бродского. Поэт написал её, будучи молодым, но при жизни так и не смог добиться издания своего произведения. Советскому государству не нужны были такие стихи, не соответствующие господствующей идеологии, не пропагандирующие коммунистические ценности. Интерес к «Рабочей азбуке» возродился только в наше время: в 2013 году она была издана в Санкт-Петербурге издательством «Акварель». Иллюстратором этого произведения стал один из лучших современных художников детской книги, Игорь Олейников. Особенность этой азбуки в том, что она не только знакомит детей с миром профессий, но и приглашает погрузиться в интересную, порой сюрреалистическую, игру. На каждой странице изображено множество предметов на соответствующую букву, и читателю предлагается найти их. С этой задачей справится далеко не каждый взрослый! Очень интересно и с юмором обыгрывается в книге отсутствие профессий на некоторые буквы. Эта азбука вводит ребёнка в мир книги легко, через игру. Между книгой и читателем возникает некий диалог. Ребёнок здесь становится не просто сторонним наблюдателем, но участником интерактивного действия. И это очень актуально и интересно для современного поколения дошкольников и младших школьников.



Рис. 3. Страницы современных азбук
а) «Рабочая азбука» И. Бродского (2013 г.); б) Эрмитажная азбука (2010 г.)

В последнее время возникает значительный интерес к просветительским проектам. Не обошла эта тенденция и азбуку. Одно из самых интересных изданий – «Азбука из коллекции Государственного Эрмитажа», выпущенная издательством «Арка» в Санкт-Петербурге, в 2010 году. Традиционный подход к созданию букваря, когда на определённую букву подбирается слово и картинка, приобретает здесь особый культурологический смысл. Авторы предлагают в качестве иллюстративного материала фрагменты произведений искусства, представленных в коллекции Эрмитажа. Это и живопись, и графика, и скульптура, и декоративно-прикладное искусство. Кроме того, это произведения разных эпох, стилей и жанров. Тщательный отбор материала, высокое качество фотографий, прекрасная полиграфия и дизайн превращают саму эту книгу в настоящее произведение искусства. Данная азбука – прекрасный инструмент для введения ребёнка в пространство музея и приобщения к миру художественной культуры.

Итак, мы видим, какой большой путь прошла азбука в нашей стране. Всегда оставаясь книгой для обучения чтению, она менялась, развивалась, приобретала новые грани и отражала различные аспекты своего времени. У каждого поколения «своя» азбука. Страницы первой книги для чтения мы помним всю жизнь. Поэтому самое главное значение приобретает именно воспитательная функция азбуки. Рассмотренные нами примеры русских букварей, конечно, не охватывают всего разнообразия книг для обучения грамоте, но являются интересными и яркими «представителями» той или иной эпохи, отражающими наиболее актуальные тенденции своего времени. Хочется верить, что в будущем азбука возьмёт всё самое лучшее из классических образцов и продолжит своё развитие в XXI веке, оставаясь одной из главных и любимых детских книг.

Библиографический список

1. Аверьянова Л. Н. Букварь Кариона Истомина // Школьная библиотека. – 2003. – № 5. – С. 36 – 38.
2. Зеленкова И.В. Подготовка бакалавров педагогического образования к работе с иллюстрацией в детской книге // Герценовские чтения. Художественное образование ребёнка. Том 2. Вып. 1. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. – 275 с. – С. 188 – 192.
3. Лабынцев Ю., Щавинская Л. Львовско-острожские буквари и азбука Ивана Федорова / Департамент культуры г. Москвы, ГБУК г. Москвы «Библиотека украинской литературы», Отд. ист. укр. книги. М., 2014. – 64 с.
4. Осорина М.В. Идеологическое лицо книги: психологический анализ обложек советского «Букваря» и «Азбуки» А. Бенуа // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. – М.: ОГИ, 2003. – С. 155 – 168.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КЛАССИФИКАЦИИ УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

С. Д. Карпенко

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белоцерковский национальный
аграрный университет,
г. Белая Церковь, Украина*

Summary. This article deals with the problematic of the tale genre classification. The genre division of Ukrainian folk tales, made by the predecessors, has been considered and the similarities and differences of classifications have been pointed out. Our own classification has been put forward and the reasons of folk tale division based on the statement intention have been commented.

Keywords: folk tale studying; Ukrainian folk tale; classification; genre; function.

Народная сказка является тем феноменом каждой национальной культуры, который не только отображает действительность народного быта, но и идеализирует реальность, желанное и ожидаемое в ней. Исследование сказочного эпоса всегда остается актуальным в силу тех особенностей жанра, что сказочные тексты бытуют и сегодня, а современные записи фольклористов констатируют факт возникновения новых сюжетов, не встречавшихся ранее. Обращаясь к исследованиям сказки как фольклорного феномена представителями разных школ и направлений (компаративистика, структуралистская теория, антропологическая и психологическая школы), убедительным остается тот факт, что они обусловили каталог художественной фактуры сюжетов, наметили широкий круг проблем изучения, тем самым заложив основу для дальнейших разноплановых исследований сказки.

Цель статьи – проследить этапы формирования принципов классификации украинских народных сказок на протяжении двух столетий. Показать актуальность этой тематики в современном украинском сказковедении.

Рассматривая вопрос генезиса украинского сказковедения, условно обозначим несколько его периодов: I период – собирательский: от фиксации к изучению – объясняется историческим становлением науки и формированием критериев изучения народной сказки; II период – теоритический, когда прослеживаются дискуссии между украинскими фольклористическими школами (мифологическая, культурно-историческая, психологическая, антропологическая). Темпорально это конец XIX – первая треть XX в.; III период – научно-популяризаторский, соотносимый с публикациями популярных и научно-популярных сборников сказок, а также поверхностным изучением природы малой эпики (главным образом во вступительных статьях к изданиям); IV период – постсоветский, совпадает с открытием кафедр фольклористики в университетах Киева и Львова. Фактиче-

ски, с этого времени в Украине наблюдается многовекторное изучение сказки гуманитарными науками.

Многообразие художественных форм украинской народной сказки, с которой столкнулись собиратели и исследователи жанра в попытке классификации, обусловило поиск уже имеющегося в фольклористике опыта европейских теоретических источников. Вторая половина XIX в. была временем систематизации фольклорных текстов, собирание которых началось в первой половине XIX в. К этому времени в зарубежной науке уже были апробации классификаций сказочных сюжетов (И. Ган, Ф. Стил, Р. Темпл, Я. Гримм и др.). Наиболее эффективной считалась классификация, примененная братьями Гримм в их сборнике немецких народных сказок, где сюжеты подразделялись на *мифические, героические, пастушьи, зооморфные, антропоморфные*. В украинской науке фольклористы дискутировали по поводу классификаций животных сказок Л. Колмачевского, общевидовой классификации П. Кулиша, П. Чубинского, П. Иванова, И. Франко и др., которые существенно отличались друг от друга.

Примером тому являются теоретические разыскания П. Чубинского, который, следуя европейским традициям, разделил сказки только на два вида: *фантастические (мифические) и бытовые*. Во втором томе «Трудов...» [20], который представлял собой сборник сказок (296 номеров), классификация сказочного эпоса осуществлялась упрощенно. Фантастические сказки включали мифические и прочие о великанах, змеях, чудесах, а бытовые в своем составе объединяли и сказки о животных. Представители украинской миграционной школы (М. Дашкевич, И. Франко, П. Кулиш и др.) вид мифологических сказок разделили на *мифические и демонические*, а *бытовые* оставили без изменений [11, с. 59]. Такой обобщенный подход к сюжетике сказки был не случайным. Многообразие художественной формы сказки считалось ее существенной чертой. Подтверждение этому находим у В. Проппа, который предположил, что группы сказок, созданные на основании их формы и поэтики, являются не жанровыми разновидностями, а самостоятельными жанрами [14]. Что же касается жанровых особенностей, то сказка выходит за пределы традиционного для науки о народном творчестве понимания жанра, представляя отдельный специфический массив, который объединяет разный по характеру художественности, композиции и жанровым особенностям материал [14, с. 5].

Как уже было сказано, в украинском сказковедении второй половины XIX в. ведущими становятся принципы мифологической и компаративистской теории, представленной трудами П. Кулиша, И. Рудченка, М. Драгоманова, И. Франко, М. Грушевского, П. Иванова, В. Гнатюка. П. Кулиш в статье «Взгляды на уснувшую украинскую словесность» (1876) предположил типы украинского сказочного материала: 1) *сказки из прамира о змеях и людоедах*; 2) *«розважльиви»* (философского содержания); 3) *юмористические*. Анализируя сюжеты украинских сказок, П. Кулиш со-

глашался с принципом антропоморфизации в них явлений и выражением морально-этических норм украинского народа [3, с. 431].

Несколько иной выглядела народная классификация сказок, которую теоретически прояснил И. Рудченко. Он считал, что народный вариант классификации разрешит проблему несовершенности научной парадигмы сказок. В народной традиции сказки группировались по тематике: *о животных, о птицах, нечисти, змеях, богатырях, былицы, бывальщины*. В отредактированных И. Рудченко сборниках сказок, однако, не удастся увидеть собственно сказку как отдельную группу по той причине, что еще не было теоретически прописано основных принципов размежевания сказочной и не сказочной прозы. Именно поэтому среди сказок в его сборниках встречаются разные повествовательные жанры (басни, небылицы, анекдоты и пр.) [15].

Сложность классификации народных сказок представлялась еще и тем, что сказочники сами называли сказками разные по жанру рассказы. И. Франко, учитывая эту особенность, в своей классификации подразделил: 1. *Сказки о животных* 2. *Собственно сказки* а) *сказки волшебные* (волшебные предметы, способности, обстоятельства); б) *сказки-легенды* (по жанровой подобности к легенде); в) *сказки-новеллы* (по жанровой подобности к новелле); г) *сказки о глупом черте или великане*; 3. *Анекдоты* [19]. Критические замечания по этому поводу находим у М. Грушевского, который считал главной ошибкой классифицировать не просто мотив, а сложные комбинации мотивов, а также строгое придерживание германских сказочных тем, что часто не находили подтверждения в украинской народной сказке [6]. Сам же М. Грушевский не предлагает классификации сказок, а вычленяет главные сказочные *мотивы-образы* или «микротемы»: 1) космические силы или космогонические образы, 2) образы Змея, 3) Бабы-Яги, 4) Кощея, 5) животные персонажи.

Представитель харьковской этнографической школы П. Иванов народный эпос сказочной тематики в своих фольклористических сборниках распределил также на три группы: *сказки о животных, мифологические и бытовые*, куда отнёс анекдотические рассказы (по определению фольклориста – «побрехеньки»). Он также отметил, что некоторые сказки не подходят по жанровым характеристикам ни к какой из трёх групп, а точнее, могли бы быть внесены к каждой из них [13, с. 12].

Генетический и типологический подходы к изучению сказки создали условия для группирования сюжетов по форме и видам (*сказки о животных, фантастические, приключенческие, бытовые сказки – в том числе сатирические, юмористические, сказки-притчи, сказки-басни и пр.*), при этом каждую из таких групп или циклов ученые отмечали индивидуальными особенностями построения художественного образа, характерными приемами типизации действительности, средствами композиции.

Классификации начала XX в. уже учитывали теоритическое наследие европейского сказковедения, а точнее наработки представителей финской исторической школы. В основу классификации художественных образцов В. Гнатюк, как составитель и редактор сборников сказок, фактически положил ту же общую схему, что и А. Аарне [1] (указатель которого был В. Гнатюку известен), но внутри каждого раздела он объединил материал не по сюжетам и мотивам, а по образу животных [4; 5].

Увлечение указателем сюжетов финских фольклористов (К. Крон, А. Аарне, В. Андерсон) побудило исследование украинского сказочного материала по их принципу. Н. Андреев (известный как автор русскоязычного указателя сюжетов сказок Аарне-Андреева (АА) (1929) [2]) обратил внимание на наследие украинской сказочной традиции и создал «Указатель украинских сказок по сюжетам» (опубликован только в 2015 году [18]), в котором каталогизировал *сказки о животных и волшебные сказки* по системе А. Аарне, а *бытовые* по собственной классификации. Идею автора усовершенствовали ученые второй половины XX в. изданием сравнительного указателя сюжетов (СУС) (1979), куда вошли восточнославянские сказки [16]. Составители издания (Л. Бараг, И. Березовский, К. Кабашников, Н. Новиков) создали условия для осуществления сравнительного изучения сказочных сюжетов, но при этом учитывали особенности общеславянской сказочной традиции. Сюжеты в каталоге разделены на три группы: *сказки о животных, волшебные и бытовые*, каждая из которых имела много подгрупп. В теории изучения сказки этого периода отмечается интерес ученых к художественным деталям сказочного эпоса, психологи характеров, ситуации, специфическим художественным формам отражения реальности и народного быта. Структурно было определено: *установку на выдумку*, которая имеет намек (аллегория) на конкретную жизненную ситуацию, что воспринимается рассказчиком и слушателем; *развлекательность*, что особо условно, ведь сказка, рассказанная с дидактической целью, перевоплощается в легенду, притчу и при этом приобретает новые особенности построения [9, с. 8]. Таким образом, сказка по своей природе предлагала широкие возможности для участия в процессе ее создания и способствовала развитию индивидуального творческого начала, которое сдерживалось разными принципами формального порядка (постоянством фабулы, внутренней целостью сюжета и мотива, законами композиции, системой так называемых общих мест) и соединялась с определенной сказочной традицией.

Систематизация принципов классификации украинских народных сказок продолжает традиции предшественников, разрабатывая новые критерии для группирования сюжетов посредством издания сборников народной прозы. Так, Г. Сухобрус, придерживаясь принципа трех основных групп сказок, все же уточняет их названия: *сказки о животных (сказки-*

притчи, сказки-басни), фантастико-приключенческие, героические и социально-бытовые [17].

На видовые признаки сказок указывала Л. Дунаевская [7], определяя при этом в сказках о животных две группы сюжетов: *аллегорические* сказки и *назидательно-развлекательные*. В группе аллегорических сказок обособленно представлены *басни*, а назидательно-развлекательные дополнены *кумулятивными*. «Чистым» жанром сказок о животных она считает назидательно-развлекательные, но и те, что имеют в структуре песни-сигналы. Художественными средствами сюжетов являются: ретардация, градация, гиперболола и числовая символика. *Волшебная сказка* обязательно должна иметь три основных категории, которые объединяют системы В. Проппа и Н. Новикова: *злотворцы, невинно-гнанные, добротворцы*. По наблюдению Л. Дунаевской, конфликт является характерным признаком не только социально-бытовых сказок. Он присущ всем сказкам как тема рассказа. *Социально-бытовые сказки*, таким образом, классифицированы по тематике главного конфликта: 1) *о бедных и богатых*; 2) *антипанские*; 3) *антицарские*; 4) *антипоповские*; 5) *антирелигиозные* [9, с. 89]. Реалистическое отображение действительности при помощи фантастической выдумки рассматривается как основа идейно-художественного состава социально-бытовой сказки. Проблемной остается группа *дидактических* сказок, где фигурируют персонажи антропоморфного типа, от которых зависит жизнь каждого человека (Судьба, Счастье, Смерть, Беда). Способы решения этой спорной группы неоднократно находим в трудах и предисловиях к сборникам прошлого века А. Потебни, И. Рудченка, П. Чубинского, Н. Сумцова.

Несколько новой выглядит семантико-палеонтологическая классификация сказок в работе В. Давыдюка [7]. Ученый принимает исторический и типологический подходы, но не считает их абсолютными, аргументируя это тем, что решающим может быть не только тип сюжета, отображение способа производства и трудовых отношений, но и отдельная деталь. Сказки о животных он считает наиболее неоднородной группой, как по происхождению, так и с функционального взгляда. Он выделяет *ритуально-тотемистические сказки* как единые в жанровых разветвлениях сказок о животных, которые принадлежат к мифологическим разновидностям. Другие же сказки о животных ученый систематизирует в группы: *аллегорическая сказка-басня, авантюрная, дидактико-табуистическая, сказки-притчи, сказки-потешки*. В дальнейшем основные аспекты методики ученого учитывались нами при рассмотрении мифологической основы украинских сказок о животных [11]. При этом в сюжетах замечена экстраполяция ритуалов и обрядов: *обряд жертвоприношения; обменные отношения между человеком и животным миром; растительная жертва животным: «жреческие» сюжеты; сюжеты о состязаниях диких животных или диких и домашних животных*. Другой темой исследования этого жанра стал трикстер и его трюки. Трикстерская природа отдельных персонажей

сказки обусловлена их ролью в сказочном сюжете, функциями. Эти исследования позволяют обособить в отдельную группу *трикстерские сказки*, которые по своей структуре напоминают социально-бытовые (анекдотические) и мифологические, в которых присущи признаки ритуально-тотемистического и ритуально-утилитарного содержания [10].

В учебнике по украинскому фольклору под авторством М. и З. Лановик [12] предложена следующая классификация сказок: 1) *сказки о животных*; 2) *волшебные* (героические, фантастические); 3) *социально-бытовые* (реалистические, новеллистические); 4) *культово-анимистические* (мифологические). Дополнением к этой классификации может послужить систематизация сюжетов сказок М. Демедюк [8], которая по сюжето-мотивной основе определяет: адаптированные украинской сказочной традицией *международные* сюжеты; народные сказки с *признаками этнического характера украинцев*; сюжеты с наложением *духовной и материальной культуры*. По персонажной системе сказочного эпоса, который может быть и тематикой сказок, представлено: *образы животных, мифологические персонажи, христианские образы, богатыри-добротворцы, женские персонажи, иноэтнические образы*.

Подводя итог, заметим, что множество классификаций украинских народных сказок в определенной степени дублируют друг друга, что как раз и послужило ученым критерием при составлении фольклорных сборников сказок. Теоритические разыскания в области систематизации принципов классификации остаются открытой темой для исследования. Затронута П. Чубинским и его современниками проблема значимости сказки в жизни украинского народа и сегодня имеет множество теорий и способов разьяснения. Одно остается неизменным: мифология и быт наших предков попадают посредством сказки в нашу жизнь. На подсознательном уровне существует традиция передавания текстов народных сказок, но познание нуждается в понимании сказанного, что и выражается в современном спектре научных трудов об украинской народной сказке. Это работы: по теории фольклористических школ (М. Дмитренко, Я. Гарасим); исследованию особенностей сказок разных видов (Л. Дунаевская, И. Хланта, О. Брицына, С. Мышаныч); изучению литературной сказки как жанра (Г. Сабат, О. Сорокотенко, С. Пылыпчук). Рассматривая волшебную сказку, изучается ее: речевая и семантико-синтаксическая структура (С. Лавриненко, Т. Ваврынюк); временная характеристика (О. Боднар); эстетическая функция (М. Чернопыский); поэтико-стилевые традиции (В. Шаблювский); особенности реализации антропоцентризма (О. Лещенко, Л. Мушкетик). Поднимается вопрос исторического развития структуры и семантики сказок (М. Грицай). Постоянно в научных статьях дискутируются вопросы природы жанра, возникновение сказочных образов, символики, магии чисел, имён персонажей, космогонической составляющей украинских народных сказок (В. Давыдюк, Л. Мушкетик, С. Карпенко и др.). С точки зрения

философии, сказочный текст рассматривается как феномен культуры (О. Величко). Психоаналитиками обоснованы особенности восприятия и понимания сказочного смысла детьми (В. Андросова, И. Бех, Н. Циванюк, О. Соловьёва, Г. Леушина и др.), а также трактовка украинской народной волшебной сказки по теориям сновидений З. Фрейда и К.-Г. Юнга (О. Тиховская). Используя коммуникативную лингвистику, учеными спроектированы на народную сказку такие понятия, как: театрализация, театр одного актёра, рассказчик/сказочник, импровизация, интересы слушателей, способы достижения развлекательности сказки. Необходимость формирования теоретической платформы украинского сказковедения обусловлена подведением итогов и определением новых направлений для дальнейшего исследования народной сказки.

Библіографічний список

1. Аарне А. Несколько параллелей финских сказок к русским и прочим славянским // Живая старина – 1898, Вып.1. – С.105-110.
2. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Л., 1929.
3. Березовський І. П. Українські народні казки про тварин – К.: Наукова думка, 1979. – 575 с.
4. Гнатюк В. М. Українські народні казки. – Львів, 1913. – 168 с.
5. Гнатюк В. М. Українські народні байки (звіриний епос). Том I, II // Етнографічні записки – Львів. Т. XXXVII-XXXVIII, 1916. – 559 с.
6. Грушевський М. Історія української літератури. Ч. 1. – Київ-Львів, 1923. – 360 с.
7. Давидюк В. Ф. Первісна міфологія українського фольклору. – Луцьк: Вежа, 1997 – 296 с.
8. Демедюк М. В. Національна специфіка української народної казки. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук, 10.01.07 – фольклористика. – Львів, 2010. – 19 с.
9. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна казка. – К., 1987. – 187 с.
10. Карпенко С. Д. Образ трікстера в українських народних анімалістичних казках. // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – Т. XI. – К.: ПЦ «Фоліант», 2006. – С. 272-279.
11. Карпенко С. Д. Міфологічні мотиви в українських народних казках про тварин. – Біла Церква: ВАТ «Білоцерківська друкарня», 2008. – 168 с.
12. Лановик М. Б., Лановик З. Б. Українська усна народна творчість. Навчальний посібник. – К.: Знання-Прес, 2006. – 591 с.
13. Неїло І. Народна проза Слобожанщини у науковій спадщині П.Іванова // Народні казки Куп'янщини. / Упор. І. Неїло. – К., 2004. – С. 8-13.
14. Путилов В.Н. Перечитывая и передумывая Проппа. // Живая Старина, № 3(7), 1995. – С. 5.
15. Рудченко И. Предисловие. Народные южнорусские сказки. Выпуск 1. – Киев, 1869. – С. V-XI.
16. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Составители: Л. Г. Браг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л.: «Наука», 1979. – 437 с.
17. Сухобрус Г. С. Казки // Українська народно-поетична творчість. В 2-х томах. – К., 1958. – Т. 1. – С. 367.

18. Сюжетний покажчик українських народних казок / Упоряд., вступна стаття, післямова та переклад з російської канд. філол. н., доцента С. Д. Карпенко. За матеріалами фотокопії рукопису М. П. Андрєєва / За ред. доктора філол. н., професора М. К. Дмитренка – Біла Церква: ТОВ «Білоцерківдрук», 2015. – 190 с.
19. Франко І. Я. Дві школи в фольклористиці. // Франко І. Я. Збірник творів: У 50-ти томах. – Київ, 1981., Т. 29. – С. 416-424.
20. Чубинский П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – Петербург, 1878.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИГР НАРОДОВ СЕВЕРА В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

А. В. Скляренко
В. С. Аксёнов

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студент,
Хабаровский государственный
университет экономики и права,
г. Хабаровск, Россия*

Summary. The article examines the historical traditional means of physical education in particular the people exercise and traditional games of the North living in the Khabarovsk Krai Russian Federation. Identity and traditions of exercise are a valuable resource that must be considered educational institutions in respect of a particular ethnic group for the revival of the national educational environment as the basis of self-preservation and self-development. And the inclusion of original exercises and games of the North in the educational process contributes to the implementation and promotion of students' abilities in the game enhance their consciousness and liberation of the subconscious.

Keyword: people exercising; traditional games; high school students.

Современный мир очень изменчив, и подчас мы не можем охватить все изменения, которые происходят в начале XXI века. Некоторые теории находят своё подтверждение в практике, некоторые находятся в процессе изучения исследования, а некоторые, сложившиеся в прошлом, выдерживают очередное испытание временем. Мы не должны отказываться от опыта, накопленного прошлыми поколениями в области традиционного воспитания, и применять его в настоящее время. Это касается и такой науки как педагогика, где опыт воспитания подрастающего поколения; проверенный практикой, имеет огромное значение для современного социума. В связи с этим возникает особая необходимость во всестороннем изучении и объективной оценке общих основ национальной самобытности каждого народа и народности [1]. Мы в своей статье рассматриваем исторические традиционные средства физического воспитания, в частности народные физические упражнения и традиционные игры народов севера проживающих в Хабаровском крае, Российской Федерации.

По данным исследователей, подвижные игры являются носителями национальной культуры и быта народов России. Народы Севера испокон веков передавали своим детям из поколения в поколение свои традиции, игры и жизненно важные ремесла такие как: рыболовство, оленеводство, охоту и рыбную ловлю. Появлялись системы занятий, национальными играми, которые дарили людям чувство бодрости, попутно формируя профессиональное мастерство, необходимое в быту северян.

Самобытные упражнения и национальные игры Северных народов считаются известными и практически применимы для всех возрастов. Национальные игры являются органической частью традиционных культур. Им отводилось священное место в повседневной жизни наших предков. Подвижные игры народов севера, несмотря на большое разнообразие, связанное с этническими, и другими особенностями, так или иначе, отражают такие общие черты, присущие этой форме состязаний, как взаимоотношение играющих с окружающей средой и познание реальной действительности. Игры характеризуются внезапно возникающей обстановкой и меняющимися условиями, потребностью широкого выбора действий, требуют проявления творческих способностей, активности и инициативы. Игры способствуют формированию двигательных навыков, развитию, совершенствованию жизненно важных физических, умственных и морально-волевых качеств. Их можно использовать как многоплановое, комплексное средство оздоровления учащихся. Они развивают и укрепляют костно-связочный аппарат, мышечную систему, влияют на коррекцию осанки, повышают функциональные возможности организма учащихся.

Использование на уроках физической культуры национальных игр народов Севера позволяет познакомить учащихся с историческими традициями коренных жителей нижнего Амура, с оригинальными самобытно-традиционными средствами физического воспитания этого народа. Игры привлекают учащихся и познавательным содержанием, и разнообразием игровых действий, и эмоциональной окрашенностью.

Игры могут гармонично вписываться в любой раздел программы совмещаться с лёгкой атлетикой, гимнастикой, спортивными играми, плаванием и решать 3 группы задач: образовательные, воспитательные и оздоровительные.

В раздел программы по лёгкой атлетике включаются задания по обучению национальным состязаниям, самобытным физическим упражнениям (тройной национальный прыжок, метание тынзяна, топорика, стрельба из лука, ходьба на ходулях, бег по пересечённой местности и др.). На уроках гимнастики учащиеся выполняют упражнения с элементами народных танцев (общеразвивающие упражнения с имитацией поз и движений птиц и животных, упражнения для развития гибкости, акробатические упражнения, танцевальные упражнения и др.). На уроках по лыжной подготовке

проводятся национальные подвижные игры «Бег на подволоках», «Гонки на нартах», «Кто кого перетянет», «Кто дальше прокатиться».

Включение народных игр в учебный процесс позволяет решать не одну узкую задачу, а одновременно несколько задач. Так игра «Оронхалиочане» развивает быстроту, ловкость и в то же время дает возможность улучшать технику бега, а правильная дозировка нагрузки решает и оздоровительную задачу. Известная игра «Хапсагай» способствует развитию ловкости, силы и быстроты. Развить силу и выносливость поможет «Мас-рестлинг», цель, которого перетянуть короткую деревянную палку на свою сторону.

Таким образом, самобытные упражнения и традиции являются ценным ресурсом, который необходимо учитывать образовательным учреждениям в отношении того или иного этноса, для возрождения национальной воспитательной среды, как основы самосохранения и саморазвития. А включение самобытных упражнений и игр народов Севера в учебный процесс способствует реализации и стимулированию способностей учащихся, во время игры, активизации их сознания и раскрепощению подсознания.

Библиографический список

1. Белобородова Т. В. Интеграция традиционных игр удэгейцев в физическое воспитание учащихся начальной школы. Автореф. дис. канд. пед. наук. – Тобольск, 2010



IX. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE



СПОРТИВНЫЕ ПРИМЕТЫ, ОБЫЧАИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СПОРТСМЕНОВ

О. А. Немова
А. К. Елисеева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
студентка,
Хабаровский государственный
университет экономики и права,
г. Хабаровск, Россия*

Summary. In modern sport there is widespread superstition, magical rituals, signs, it has become a tacit part of the sports component, its combat psychological weapon.

Keywords: athletes, signs, superstition, athlete's fortune.

Малоизвестно широкой общественности, что спортсмены самые суеверные люди: мы попробуем сделать эту закрытую информацию доступной и проведём в нашей статье определенное исследование.

Целью нашего изучения будет – анализ влияния суеверий, примет, ритуалов на психику спортсменов.

Нами были поставлены следующие задачи:

1) выявить, чем важны приметы и какое влияние они оказывают на спортсменов;

2) узнать, что произойдёт, если магический ритуал не подействует;

3) определить, хорошо или плохо, если спортсмен суеверен;

Магия – обряды, связанные с верой в сверхъестественную способность человека воздействовать на людей и явления природы, возникла ещё в первобытном обществе и стала элементом обрядов всех религий [1].

Изнурительные тренировки, диеты, постоянная поддержка формы тела, пересиливание себя каждый день, стремление только к победе складываются в ежедневный труд и составляют спортивную жизнь атлета. Соблюдение всего выше сказанного, несомненно приведёт к определённым высотам. Но иногда людям кажется, что этого мало, всегда есть неуверенность в своей подготовке, поэтому спортсмен отстраняется от реальности и обращается к сверхъестественному, что бы успокоить себя молитвой, прошением удачи у идолов, поскольку не только тело должно быть в порядке, но и мысли, должна быть внутренняя гармония, а достичь её помогает вера во что-то, безусловно приносящее удачу.

Суеверие – это предрассудок, представляющий собой веру в какие-либо сверхъестественные потусторонние силы.

Практика показывает, что спортсмены очень суеверные люди, ради победы они совершают чуть ли не магические ритуалы, повторяя их постоянно, фиксируя и замечая разные мелочи, которые приносят удачу или, наоборот, неудачу. Постепенно у них формируется «магичное сознание», под которым мы понимаем веру в волшебные свойства талисманов, приметы и определённых слов.

Вера в приметы, выполнение церемоний многими спортсменами происходит на автомате. Суеверия и приметы стали важнейшим атрибутом жизни любого спортсмена, они влияют на психику, поведение, настроение, эмоциональное состояние и самое главное на спортивный результат [2].

Изучая влияние спортивных примет, суеверий, мы выделили их функции:

- 1) регуляция эмоционального состояния психики спортсмена (настрой на победу, уверенность в своих силах, спортивная злость и др.);
- 2) повышение функциональности спортивного поведения/деятельности (щетина и борода у хоккеистов своего рода защита от летящих осколков льда, чтобы не порезать кожу; проверять бутсы самому перед матчем у футболистов, значит быть уверенным, что будет удобно и казуса во время игры не произойдёт.)

Как уже отмечалось выше, существует огромное многообразие вещей, которые олицетворяют Фортуны спортсмена: приметы, заговоры, талисманы и прочие.

Из всего вышеперечисленного многообразия разных видов суеверий каждый спортсмен выбирает то, что индивидуально подходит именно ему. Так из интервью нам стало известно, что: Александр Овечкин, многими любимый хоккеист, одушевляет клюшки, он разговаривает с ними, как будто договаривается о победе.

Некоторые верят в помощь вещей, никак не связанных со спортом, но чем-то важных для этого человека: у художественной гимнастки Ирины Чащиной есть талисман – маленькая плюшевая собачка, объездившая с ней весь мир.

Многие верующие спортсмены обращаются к Богу. Например, Евгений Плющенко каждый раз, выходя на лёд, трижды крестится, Роман Павлюченко, перед тем как наступить на газон, касается его рукой и крестится, Алина Кабаева, перед выступлением молилась в одиночестве в маленькой комнатке [3]. Кроме того, нами было установлено, что чаще всего эти молитвы – не от случая к случаю, а выполняются как часть ежедневного расписания. Причем, многие спортсмены признаются – чем более четко распланированный график они имеют, тем лучше им удается держать себя в оптимальной физической форме и выступать на соревнованиях.

Существуют и «командные приметы», приметы «международного уровня». Приведём некоторые примеры: боксёры никогда не стирают бин-

ты; гонщики Формулы-1, дают своим машинам исключительно женские имена.

Таким образом, не сложно заметить, что суеверия занимают далеко не последнее место в жизни любого спортсмена. Они играют свою положительную роль, при условии умения ими регулировать, поэтому задача тренера, психолога не запрещать их, а помочь через них найти дополнительную точку опоры.

Однако во всём должно быть чувство меры, как говорится «на примету надейся, а сам не плошай», так как любое отклонение от привычного обряда может выбить спортсмена из колеи, ещё хуже, когда приметы перестают «работать» и нет форта. В такой ситуации очень просто потерять себя, утратить веру в собственные силы, а для спортсмена это равносильно проигрышу и в дальнейшем – потере своей карьеры.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном спорте наблюдается широкое распространение суеверий, магических ритуалов, примет, это уже стало негласной частью спортивной составляющей, её боевым психологическим оружием. Они имеют мощное влияние на психическую подготовку атлета, помогают справиться с нервами (стрессом), что приводит к положительным результатам и приравнивается к дополнительной мотивации на победу. Хорошо это или плохо, что спортсмен обладает «магическим сознанием» сегодня не скажет ни тренер, ни психолог. Но если правильно использовать данную особенность и научиться получать из этого дополнительную энергию, направленную на победу, то ответ будет очевиден.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия
2. <http://www.csi-ugra.ru/poleznaya-informaciya/sovetypsiologa/sportivnye-sueveriya>
3. 10 фактов о спортивных приметах // журнал «Отличный спорт». – М., 2009. - № 1. - С. 14-15.



**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов

28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • General Impact Factor – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor – 4,22, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Journal Impact Factor – 4,061, • Scientific Indexin Services – 1,04, • РИНЦ – 0,258
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,832,
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,725,
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,75,
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,742,

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the IV international scientific conference
on March 1–2, 2017

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 27.03.2017
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 5,52.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz